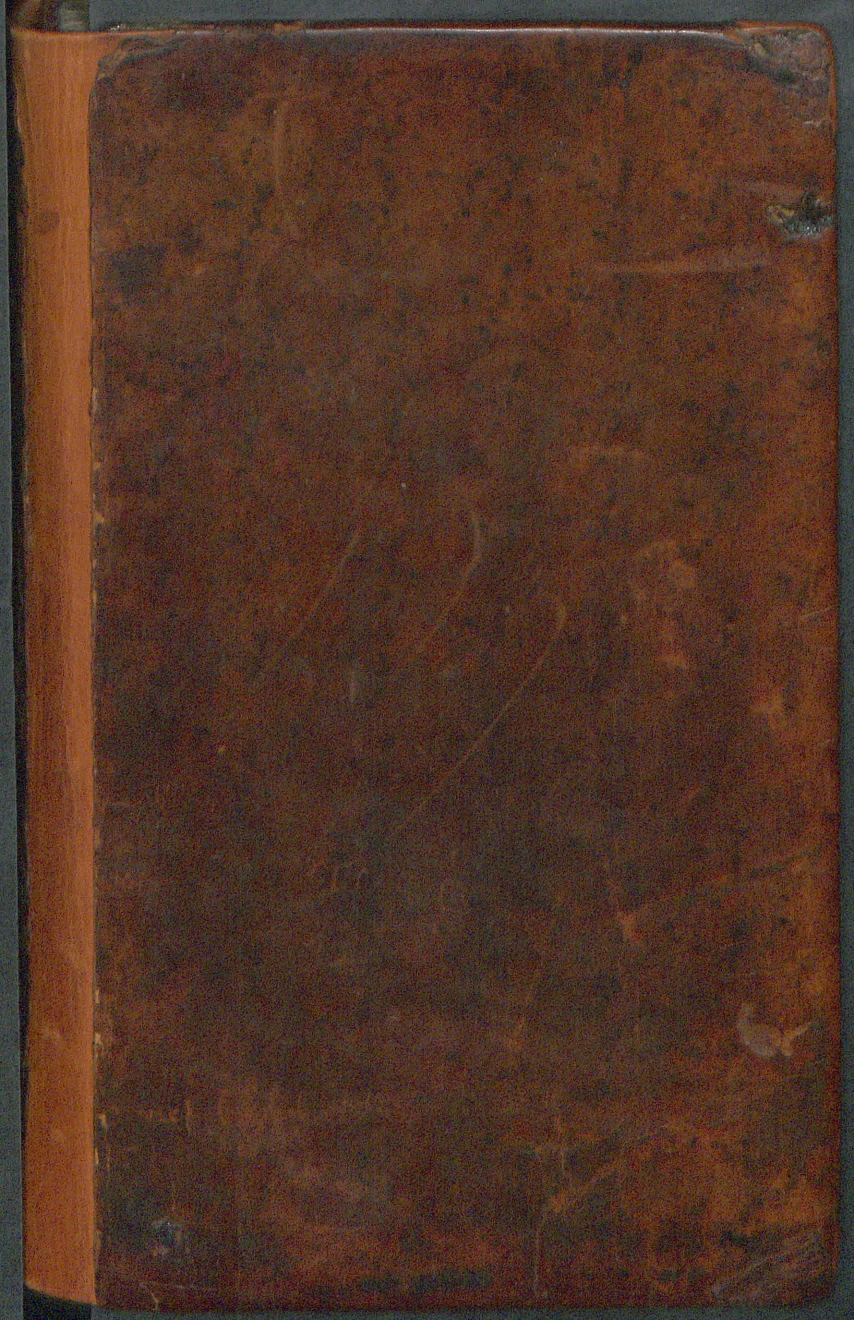

1789: марта 19 дня
[illegible] 1700

[illegible] [illegible] листо
[illegible] [illegible] по
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] рубли
1789

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Н.Г.
1817.

МК У-8°
65-Б

ДРУГЪ
ЖЕНЪ,
ИЛИ
ИСКРЕННЕЕ НАСТАВЛЕНІЕ
ДЛЯ
ПОВЕДЕНІЯ.
ПРЕКРАСНАГО ПОЛА.

Переведено

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

Печатано при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетЂ 1765. году.

Оглавленіе.

Другъ

Авдотьи Горинавай

* * *
* * *   * * *

Другъ
ЖЕНЪ.

Во всѣ времена говорили о женщинахъ или весьма хорошо, или весьма худо. Человѣкъ подверженной владычеству красоты, видитъ въ нихъ царицъ вселенной *и* самое совершенное *произведеніе натуры; напротивъ того угрюмой и своенравной почитаетъ ихъ за* Пандоръ (*), *которымъ при-*

(*) Пандора по баснословію была женщина, украшенная отъ боговъ всѣми дарованіями. Юпитеръ ее послалъ на землю съ коробочкою, въ коей были заключены всѣ болѣзни. Но какъ скоро она ее открыла; то тотъ же часъ всѣ они вышли; кромѣ надежды, которая на днѣ осталась.

приписываетъ всѣ болѣзни, оскорбляющїя родъ человѣческой. Такимъ образомъ досада, или любовь, ослѣпляя смертныхъ, внушаетъ въ нихъ дерзскїя похвалы, или несправедливыя сатиры. Каждой говоритъ о семъ полѣ по состоянїю своего сердца, и самыя порочныя люди бываютъ болѣе склонны къ ихъ порицанїю.

Искреннее участїе, съ которымъ люди разсматриваютъ женщинъ, есть всегда причина всѣхъ различныхъ о нихъ разсужденїй. Все, что составляетъ сїю прекрасную половину рода человѣческаго, имѣетъ право привлекать къ себѣ наше вниманїе: ихъ походка, осанка, голосъ и самыя малѣйшїя движенїи имѣютъ власть надъ нами. Такимъ образомъ естьли о нихъ подлинно и точно разсу-

су-

суждать: то надлежитъ быть къ нимъ безпристрастну, но подобное состоянiе здѣлало бы человѣка достойнымъ сожалѣнiя; и по щастiю нашему весьма мало такихъ находятся; однако не надлежитъ же подвергать себя сильнымъ страстямъ: и всякъ кто взираетъ на женщинъ сквозь завѣсу безумной любви, или сквозь густой туманъ ревности, всегда будетъ имѣть о нихъ несправедливое понятiе.

Не можно спрашивать о семъ важномъ дѣлѣ страстныхъ любовниковъ, или недовольныхъ мужей; тѣ и другiя суть судьи весьма пристрастныя. Есть очень много людей рожденныхъ съ прiятными страстьми, кои умѣютъ въ себѣ соединять веселость съ благопристойностью въ обществѣ женщинъ, которыхъ они почитаютъ: та-

копыхъ людей надлежитъ о семъ слушать. Всѣ соглашаются въ томъ, что надобно признавать въ семъ полѣ щастливыя качества, которыя требуютъ не весьма великаго труда къ приведенїю ихъ въ совершенство.

То подлинно что натура привела женщинъ въ состоянїе показать себя съ нѣкоторымъ противъ насъ преимуществомъ. Молодая дѣвица пятнатцати лѣтъ, чувствуетъ и изъясняется остроумно, и дѣлаетъ увеселенїи общества, въ которое человѣкъ такихъ лѣтъ принятъ быть не можетъ. Подобно симъ скорорастущимъ древамъ, которыя оставляютъ весьма мало корню влажности, и покрываются листьемъ и плодами прежде нежели еще другїя позчувствуютъ приближенїе

весны;

песны; женщины столькожъ будучи способны къ показанію себя въ свѣтѣ, имѣютъ меньше насъ нужды въ помощи искусства, чтобъ достигнуть сей степени совершенства, которая имъ весьма свойственна.

Не надобно думать, чтобъ сія степень была гораздо ниже нашей. Многихъ изъ нихъ можно съ нами сравнить въ разсужденіи разума; но бо́льшая часть насъ превосходятъ въ разсужденіи се́рдца. Они безъ сомнѣнія подвержены нѣкоторымъ погрѣшностямъ, которыя необходимы человѣчеству; но смотря на толикое множество добродѣтелей, можно имъ простить сіи малыя несовершенства: несовершенства! которыхъ бо́льшую часть вперили въ нихъ мущины, желаніе угождать природное полу принуждаетъ ихъ повиноваться

паться мнѣнїямъ окружающихъ ихъ людей.

Самое главное нещастїе женщинъ, такъ какъ и знатныхъ людей есть то, что они съ самаго младенчества бываютъ окружены толпою ласкателей, которыя имѣютъ причину, скрывать отъ нихъ истинну. Привлекать къ себѣ безчисленное множество вѣтреныхъ и праздныхъ людей, есть необходимость, сопряженная съ красотою. Сїи люди старающїеся питать въ женщинахъ ребяческую суетность, которой они думаютъ пользоваться, употребляютъ всю, чтобъ отвратить ихъ умъ отъ всякой важной мысли.

Среди двора, состоящаго изъ такихъ людей, которыхъ самое малѣйшее несовершенство есть глупость, удивительно ли, что жен-

женщины сами такопыми дѣлаются? Естьли какая ни будь пещь можетъ насъ припести пъ удипленїе, такъ сїе, что еще изъ нихъ песьма много находится достойныхъ почтенїя пъ такое премя, когда псе слоспѣшестпуетъ, истребить пъ нихъ щастлипыя склонности, коими ихъ украсила природа.

Лучшее средстпо припесть къ должности женщинъ, есть испрапить нрапы людей. Слапной гражданинъ, репнительной къ чести и благосостоянїю спое го отечестпа, старался пъ недапномъ премени испрапить мнѣнїи спoихъ согражданъ, и изторгнуть изъ нихъ корень псякаго зла. Другъ людей (*) есть непремѣнно другъ женъ, ибо естьли точно расмотрѣть пользы

(*) Другъ людей, есть книга такъ называемая.

зы однаго пола, то всякъ ясно увидѣть можетъ, что они весьма близко соединены съ пользами другаго: по ожиданїи дѣйствїя его премудрыхъ совѣтовъ, я дерзаю, подражая ему, здѣлать для моихъ сограждановъ нѣкоторыя примѣчанїи о томъ, чѣмъ они должны самимъ себѣ, и чего отъ нихъ требуетъ общество, сочиняютъ ежедневно множество книгъ къ ихъ развращенїю; слѣдственно не безполезно будетъ представить для нихъ суплотивоядъ.

РАЗ-

РАЗДѢЛЕНІЕ.

Я разсмотрю въ разсужденіи состоянія, которое они между нами имѣютъ, какой родъ науки и упражненія имъ приличенъ: о подробности забавъ, между коими находятся роскошь и убранство, потóмъ здѣлаю нѣкоторыя разсужденіи о любви, бракѣ и воспитаніи дѣтей; и заключу краткимъ изображеніемъ ихъ добродѣтелей, кои не столько рѣдки, какъ нѣкоторыя люди о томъ разглашаютъ.

Мой предметъ состоитъ въ томъ, чтобъ представить предъ глазà женщинъ истинну, которой мнится имъ супротивляется употребленіе. Естьли

ли нѣкогда они спомоществовали у-
множить наши заблужденія, то имъ
часто поручается изъ оныхъ насъ
извлекать. Женщины могутъ здѣ-
лать все, что только осмѣлятся
предпріять. Тѣ, которыя имѣютъ
довольно великости духа, чтобъ
взять надъ нами сіе преимущество,
отмщаютъ намъ за нашу гордость
неоцѣненнымъ благодѣяніемъ; и ихъ
заразы дѣлаются чрезъ то сильняе
надъ людьми, которые достойны
сего имяни.

ГЛАВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Состоянїе женщинъ въ обществѣ.

* * *

ТѢ, которые почитаютъ женщинъ за прекрасныхъ статуй, поставленныхъ здѣсь для украшенїя, имѣютъ о нихъ весьма несовершенное понятїе. Имъ повторяютъ безпрестанно, что они, ничто иное какъ прелестные цвѣты опредѣленные къ увеличенїю красоты

вселенныя. Кто о томъ сумнѣвается? Однако въ самое то время увѣщеваютъ женщинъ, не прельщаться прекрасно сочиненными мадригалами, и не оставаться при сихъ столь маловажныхъ преимуществахъ; но между ими многїя находятся, кои будучи довольны симъ жребїемъ, кажется, отреклись всѣхъ другихъ должностей, кромѣ той, какъ плѣнять глаза.

Женщины подвержены со всѣмъ другой судьбѣ: они сотворены для нашего благосостоянїя, а не для представленїя тщетнаго зрѣлища. Ихъ заразы суть предвозвѣстницы несравненно прелестнѣйшихъ качествъ. Дать имъ одну красоту, есть ихъ уничижать и равнять съ списанными съ нихъ картинами. Тѣ, кои только что прекрасны, могутъ сидѣть прїятно въ креслахъ, и тѣмъ украшать залу. Они прїятны для нашего зрѣнїя; но надобно женщинамъ больше нежели красота, чтобъ найти въ обхожденїи съ ними всѣ пользы, которыхъ мы имѣемъ право ожидать.

Общество между разумными тварьми не должно быть ограничено оказыва-

зыванїемъ своего лица̀, или подлымъ обхожденїемъ наполненнымъ тщеславїя и лжи. Всякое обхожденїе, которое не можетъ насъ здѣлать лучшими, стремится насъ испортить. Естьли женщины, украшающїя его соединятъ съ прїятностью тѣла здравой умъ и правое сердце: то та склонность, которую мы къ нимъ имѣемъ, окажетъ чрезъ то въ насъ преизящныя качества. Они возвышаютъ нашу ду̀шу до великихъ предметовъ, и чрезъ нихъ прозябаютъ въ сердцахъ человѣческихъ сѣмена всѣхъ добродѣтелей.

Сїе владычество, которое они имѣютъ отъ красоты, дано имъ, для пользы всего человѣческаго рода. Человѣкъ, опредѣленной къ важнымъ дѣламъ, имѣетъ въ своихъ поступкахъ нѣчто притворное, котораго исправленїе поручено женщинамъ. Въ ихъ дѣлахъ находится больше, нежели въ чертахъ прїятности способной умягчить сїю природную нашу гордость, которая превратилась бы въ свирѣпство, естьлибъ была не умѣряема.

Можно сказать, что когдабъ мы жили въ отдаленїи отъ женщинъ;

тогдабъ были со всѣмъ различны отъ того состоянїя, въ коемъ теперь находимся. Наши попеченїя о снисканїи ихъ благосклонности, укрощаютъ и истребляютъ сїю грубую и свирѣпую, свойственную намъ ухватку. Ихъ веселость служитъ къ отвращенїю нашего важнаго и задумчиваго нрава. Человѣкъ былъ бы меньше совершенъ и меньше щастливъ (*), естьлибъ не обходился съ женщинами.

Не чувствительной къ прїятностямъ ихъ обхожденїя, бываетъ рѣдко другъ человѣчества: онъ хранитъ равнодушїе, которая дѣлаетъ и самыя его добродѣтели вредоносными. Великїя качества Карла XII. не терзали бы всю Европу, естьлибъ сей Государь нѣсколько болѣе жилъ въ обществѣ женщинъ, которыя только

(*) Здѣсь не разумѣется строгое уединенїе нѣкоторыхъ людей, совершенно удалившихся мїра. Они имѣютъ безъ сомнѣнїя особливую склонность, которая ихъ отъ того изключаетъ, и награждаетъ чѣмъ ни будь другимъ прїятность, прїобрѣтаемую въ обществѣ женщинъ.

ко одни могли укротить его свирѣпую храбрость. (*)

Естьли надобно, чтобъ люди нѣсколько умягчались нѣжными стараніями женщинъ: то сіи послѣдніія имѣютъ также нужду въ обхожденіи мущинъ, для возбужденія ихъ живости и избавленія, отъ нераченія котораго бы они избѣжать не могли, естьлибы не были поощряемы желаніемъ угождать. Сіе желаніе производитъ украшеніе ихъ лица, осанку, походку, пріятность голоса. Говорятъ ли они, ходятъ ли, улыбаются ли, чрезъ все думаютъ здѣлать себя любви достойными. Изъ чего можно заключить, что нѣкоторымъ образомъ и мущины споспѣшествуютъ къ придаянію вящшихъ прелестей женщинамъ, которыябъ безъ сихъ впали въ уныніе и нераченіе. Впрочемъ разумъ женщинъ будучи обремененъ малѣйшими подробно-

(*) Онъ не хотѣлъ видѣть графиню Кэнигсмаркъ, которая была обязана, съ стороны Короля Августа предложить ему о мирѣ, чтобы ея красота и разумъ произвесть могли и въ дѣйство.

дробностями томился бы въ невѣжествѣ; естьлибъ мущины ихъ не привлекали къ высочайшимъ предметамъ, вперяя въ нихъ бодрость и поощренїе.

Такимъ образомъ оба пола стараются одинъ чрезъ другаго приходить въ совершенство. Мужественная бодрость одного умѣряется проворностїю другаго, которой съ своей стороны много заимствуетъ отъ сей самой бодрости. Мнѣнїя мущинъ получаютъ изображенїе гораздо прїятнѣе въ обществѣ женщинъ: напротивъ того оныя присутствїемъ ихъ лишаются всего, что имѣютъ очень легкомысленное; ихъ различныя качества другъ друга не перетягиваютъ. И изъ сего смѣшенїя происходитъ то щастливое согласїе, которое ихъ дѣлаетъ обоихъ совершеннѣйшими.

Разность, находящаяся въ разумѣ, можетъ сравняться съ разностїю, находящеюся въ голосѣ. Она можетъ лучше произвесть прїятной концертъ, нежели скучную нестройность. Естьли люди имѣютъ умъ гораздо сильнѣе, то сїе для того, чтобъ болѣе способствовать къ щастїю тѣхъ, у

кото

которыхъ оной нѣжнѣе, нежели у нихъ. Одинъ полъ не сотворенъ гонителемъ другаго: тѣсной союзъ, находящейся между ими, дѣлаетъ ихъ пользы общими; и сіи смѣшныя распри о превосходствѣ, суть нѣкоторой родъ досады природѣ, и неблагодарности за ея благодѣянія.

Мы рождены друзьями женщинъ, а несоперниками, а еще меньше тиранами. Дѣлать ихъ невольницами, есть злоупотреленіе нашей силы, данной намъ къ ихъ защищенію. Мы чрезъ то лишимъ общество са́маго пріятнѣйшаго увеселенія. Оно несносно, естьли изъ него изгнать часть рода человѣческаго наиспособнѣйшую къ его увеселенію.

Сіе испытали восточныя народы, которыя, соединя съ своей звѣрской страстью чувство своей слабости, считали ихъ за опасныхъ сотоварищей противъ коихъ должно предостерегаться. Они наложили на нихъ узы, чтобъ тѣмъ избѣгнуть полученія узъ отъ нихъ, думая, что чрезмѣрная къ женщинамъ любовь, есть для нихъ несносное безчестіе.

Сїи гордые повелители были первою жертвою своей тиранской ревности. Влача плачевную и смущаемую скукой жизнь посреди своихъ прекрасныхъ невольницъ (*), тщетно искали чувства любви Склонность и нѣжное увеселенїе, ему послѣдующее, находится только тамъ, гдѣ царствуетъ вольность. Но какъ одно такъ и другое бѣжитъ отъ общества, лишеннаго средствъ къ произведенїю оныхъ. Сїи народы старались то наградить звѣрскою роскошью: но оная удобна только лишить силы ихъ чувства и обременить несноснымъ игомъ ихъ душу.

Со

(*) Надлежитъ только счесть людей: всѣ счисленїя дѣлаемыя какъ во Францїи, такъ и въ Англїи, довольно доказываютъ несправедливость системы многоженства. Что касается до согласїя, то оно не зависитъ отъ великаго числа̀ женщинъ, между собой ссорящихся. Каждой сераль есть темница, гдѣ ссора и раздоръ не выходятъ только наружу, какъ бываетъ между нами, однако производятъ беспрестанно внутреннїя безпокойства.

Совсѣмъ отдаленно отъ подобнаго варварства, народъ нашъ всегда воздавалъ женщинамъ почтенїе, превосходящее надлежащїе предѣлы. Древнїе Галлы имъ оказывали великую честь, и учредили совѣтъ женщинъ, которой рѣшилъ самыя важныя дѣла. Склонность Римлянъ къ нѣжному полу, тому наслѣдствовала, послѣ коей слѣдовалъ другой родъ романической любви, дѣлающей женщинъ судїями достоинства и храбрости мужей. Древнее Рыцарство, прешедшее отъ Мавровъ къ нашимъ предкамъ, привело къ тому всѣхъ нашихъ дворянъ, что они носили ливрею своихъ любовницъ, и заставило ихъ подвергать себя великимъ опасностямъ, чтобъ чрезъ то заслужить себѣ одинъ только взоръ. Лѣнточка, данная въ мѣстѣ, учрежденномъ для всенародныхъ игръ была цѣна опасностей, коимъ себя подвергали (*); и похвала прекрасной

(*) Въ Гишпанїи сїе и теперь почитается за знакъ любви, чтобъ сражаться съ разъяренныимъ воломъ. Женщины веселятся, смотря на своихъ любовниковъ, подвер

награждала людей за ихъ труды, и поощряла къ предпрїятїю величайшихъ.

Нынѣ не столь стоитъ дорого сыскать благосклонность сего пола. Неустрашимость и великодушїе не дѣлаютъ болѣе мужей любимцами женщинъ. Маленкїя услуги, нѣжныя попеченїя, и подлое имъ подражанїе, довольны къ приведенїю къ нимъ въ милость. Женщины, погруженныя нами во всегдашнее неразсужденїе, для котораго они не сотворены, приняли вкусъ безумїя, и ввели его въ употребленїе. Они такъ покорили насъ своему упрямству, что мы находимся подвержены тѣмъ же премѣнамъ. Роскошь, такъ сказать, вложила во всю женскую душу: природное различїе между двухъ половъ изчезло, и одинъ въ другомъ находитъ слабость, умножающую его собственную. Женщины учинились родомъ одушевленныхъ идоловъ, у которыхъ обожа-

гающихся сей битвѣ, и награждаютъ побѣдителей, съ которыми они раздѣляютъ славу.

обожающія ихъ переняли всѣ движенія. Имъ приносятъ безчестную жертву, которая похищаетъ ихъ добродѣтель. Въ очахъ ихъ они находятъ небо, а въ объятіяхъ жизнь и смерть. Наши позорища, кажется, посвящены къ преданію вѣчной памяти таинъ сего смѣшнаго идолослуженія (*); и мы не перестаемъ воздавать женщинамъ сіе роскошное поклоненіе, приводящее ихъ къ развращенію. Порокъ чрезъ то привлекается и нападаетъ на все общество, отъ того, что небрежемъ исправлять сердца тѣхъ, которымъ желаемъ угождать. Сіе желаніе намъ дѣлается пагубно, и ихъ заразы для насъ бѣдственны.

Пусть женщины отрекутся ложной чести, которая приноситъ стыдъ какъ ихъ, такъ и нашему полу, пусть они перестанутъ быть общимъ предметомъ безчестнаго для

(*) Наши оперы имѣютъ въ томъ главное дѣйствіе: они суть родъ любовнаго идолослуженія, наполненнаго пѣснями и весьма усерднымъ моленіемъ богу любви.

нихъ почитанiя. Они сотворены для того, чтобъ были нами любимы, и приносили увеселенiе порядочному обществу. Будучи опредѣлены къ спокойной жизни, не должны они слѣдовать вихрю праздныхъ людей, вокругъ ихъ ежедневно шатающихся. Ихъ прiятности, будучи меньше зримы, не потеряютъ чрезъ то своей силы. Ябъ утѣшиться немогъ, когдабъ судьбина опредѣлила мнѣ жить между народомъ, которые такъ какъ Гишпанцы, скрываютъ женщинъ отъ общества. Однако думаю, что приличествуетъ женщинамъ нѣсколько удаляться отъ большихъ собранiй; и оказывать себя въ оныхъ столько, сколько надобно для того, чтобъ болѣе возчувствовать удовольствiе, которое сердце ощущаетъ отъ возвращенiя себя своей фамилiи и самой себѣ.

Великiя собранiя гораздо опасны для нравовъ; и я совѣтую женщинамъ избѣгать оныхъ, естьли онѣ хотятъ укрыться отъ дѣйствiя заразительнаго воздуха. Но весьма полезно, какъ для нихъ, такъ и для

насъ, чтобъ они не избѣгали спокойнаго и выбраннаго общества, отъ котораго не токмо удаляются пороки, но еще происходитъ полезное соединенїе забавъ съ добродѣтелью. Разумъ мужей тамъ исправляется безъ всякаго помраченїя онаго; а женщины умножая наши увеселенїи, сообщаютъ намъ ту прїятность, чрезъ которую они получаютъ все, что хотятъ.

Они суть душа общества, кое на себя принимаетъ тотъ видъ, которой имъ угоденъ. Дворъ часто оной перемѣнялъ, слѣдуя нраву женщинъ, первую при немъ степень имѣющихъ. Дворъ Людовиха XIV. долженъ частїю своихъ прїятностей великому числу оныхъ, всегда его украшающихъ; и достигъ самаго совершенства учтивости въ тѣ времена, когда Генрїетта Аглинская и Герцогиня де Бургонь, при немъ находились.

Женщины не токмо умѣютъ оживлять общество, но еще можно ихъ почитать за нужную машину, которая его приводитъ въ движенїе. Правда, что правленїе дѣлъ и всѣ

гражданскїя должности положены на мужей: но сїе самое установленїе умножаетъ силу женщинъ. Родъ человѣческой управляется болѣе отъ сердца, нежели отъ разума: въ чьихъ бы рукахъ власть ни была, онъ всегда склоненъ къ тому, что любитъ. Я не знаю, слабость ли это; и естьли же она, то оная въ насъ врожденна. Гдѣ женщины повелѣваютъ, тамъ мужи царствуютъ; или сїи послѣднїя имѣютъ одинъ видъ власти. Они очень часто бываютъ нѣкоторыми только помощниками; а первое движенїе получаютъ всегда почти отъ женщинъ.

Сїе начальство прелестнаго пола весьма полезно, естьли только они имѣютъ мысли, соотвѣтствующїя лицу, которое они между нами представляютъ. Когда они устремятся къ великимъ вещамъ, и станутъ старатся распространить предѣлы своихъ мыслей: то будутъ въ состоянїи, насъ снабдѣвать полезными совѣтами. Они одарены проницанїемъ, чрезъ которое познаютъ предметы намъ неудобопонятныя и часто бываютъ сродны къ такой же храбрости, какъ

и

и самыя отважнѣйшія люди. Агличане не были никогда такъ сильны, какъ при владѣніи ихъ Королевы Елисаветы. Мы имѣемъ дѣйствительно двѣ великія имперіи въ Европѣ управляемыя женами, которыя достойны быть въ числѣ самыхъ великихъ государей. Находятъ въ нихъ подъ прекрасными чертами ихъ пóла, великія качества Карла V. и ПЕТРА Великаго.

Должно причесть къ нещастію, что женщины весьма мало думаютъ о томъ, чего они стóятъ; пекутся безполезно всю свою жизнь о красотѣ, къ которой они ничего присовокупить не могутъ, но не стараются со всѣмъ о просвѣщеніи своего разума. Они есть преизящная земля, коя остается отъ ихъ небреженія безплодна. „Последнее ихъ воздыханіе, говоритъ „С. Евремондъ, есть больше о по„теряніи красоты, нежели о поте„ряніи жизни„. Но лучше, естьлибъ они знали, что красота не достойна нашего почтенія, какъ только тогда, когда она сопряжена съ прекрасною душею. Природа обыкновенно украшаетъ

шаетъ то только прелестьми, что можетъ быть здраво: прекрасной плодъ бываетъ рѣдко ядомъ; слѣдственно порочная красавица есть чудовище природы.

ГЛАВА II.

О наукахъ приличныхъ женщинамъ.

Запретить женщинамъ всѣ науки, стало ихъ почитать такъ какъ почиталъ Магомедъ, (*) которой стараясь внушить имъ роскошь, отрицалъ въ нихъ быть душѣ. Бо́льшая часть изъ нихъ поступаютъ такъ, какъбы они приняли ученїе столь безчестное ихъ полу; и кажется, что презираютъ сей пылкой и острой умъ которой ихъ превозноситъ болѣе, нежели красота.
Когда

(*) Магомедъ точно не утверждалъ сей глупости; но сїе мнѣнїе приписывается ему отъ учителей, которые неправильно его толковали.

Когда я разсуждаю о щастливыхъ склонностяхъ женщинъ и о успѣхахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: то не можно смотрѣть безъ огорченія, сколь мало они почитаютъ свой разумъ. Они имѣютъ во всякомъ дѣлѣ первенство, говоритъ Монтаньи, и остротою своихъ чувствъ весьма скоро, и безъ всякаго труда познаютъ предметы между ими находящіеся. Очень сожалѣтельно, что предосудительное равнодушіе заглушаетъ въ нихъ самыя драгоцѣннѣйшія дарованія.

Сколь ни сильны ихъ прелести къ привлеченію насъ къ нимъ; но еще не довольны къ удержанію насъ при нихъ. Привычка смотрѣть на прекрасное лице, умаляетъ силу онаго. Когда мы не знаемъ, что говорить съ прекрасной особой: то скука преодолѣваетъ склонность, которую мы къ нимъ имѣемъ. И сія-то скука, причиняемая недостаткомъ мыслей у нѣкоторыхъ женщинъ, есть первая причина непостоянства, которымъ они насъ часто обвиняютъ.

Пусть женщины разсудятъ о разности находящейся между несмысленнымъ,

нымъ, которой имъ скучитъ, и человѣкомъ просвѣщеннымъ, которой ихъ увеселяетъ. Весьма малой трудъ даетъ имъ верьхъ надъ симъ послѣднимъ, и приноситъ имъ сїю великую пользу. Сїе есть родъ побѣды, которой мы съ охотою повинуемся. Мы будемъ взирать безъ ревности на раздѣленїе сего дарованїя, которое отъ насъ болѣе почитается, нежели чего оно стоитъ.

Чѣмъ болѣе они распространятъ свои понятїя, тѣмъ болѣе сыщется предметовъ сообщенїя между ими и нами; и сїе сообщенїе тѣмъ больше будетъ имѣть взаимной пользы и поощренїя, что есть безчисленное множество вещей, которыя отъ того погибаютъ, что не могутъ имъ быть извѣстны, и которыя умножатъ для насъ увеселенїя, когда мы увидимъ, что женщины склонны ими пользоваться.

Но какїя тѣ предметы, къ которымъ женщины могутъ справедливо прилѣпляться? На сїе я отвѣтствую, прося сей нѣжной полъ, мнѣ то простить, что я скажу о томъ свое мнѣнїе, что между науками, которыя питаютъ удивительную пылкость

кость разума человѣческаго, есть только нѣкоторыя, кои приличны женскому полу. Женщины болѣе всего должны удаляться отъ трудныхъ наукъ и отъ томительныхъ исчисленій, которыхъ подробности могутъ отяготить умъ, и привесть въ слабость преизящное ихъ проницаніе.

Естьли находились въ семъ полѣ Дасіеры и Шателеты (*), то сіи рѣдкія примѣры болѣе достойны удивленія, нежели подражанія. Однако не надобно желать, что общество было наполнено Философами въ Робрандахъ, которыя говорятъ всегда со всѣми по силлогисмамъ. Женщинамъ прилична наука не столько трудная, но такая, чтобъ соотвѣтствовала ихъ красотѣ, чтобъ

(*) Анна ле Февра, жена господина Дасіера, перевела на Французской языкъ Флора, Теренція и Гомера, присовокупя къ нимъ ученыя примѣчанія.

Габріелла Емилія де Бретюиль, Маркиза де Шателетъ, изъяснила Лейбница, перевела и изтолковала Невтона. Мы имѣемъ отъ нея физическія сочиненіи, гдѣ острота ее разума чувствительна всѣмъ тѣмъ, которые въ состояніи оную разумѣть.

чтобъ ихъ знанія могли быть пріятно употреблены въ жизни. Мнѣ ничто такъ между ими не смѣшно, какъ сіи богословки, кои принявши которую ни будь сторону, спомоществуютъ ей въ гоненіи, собираютъ у себя чудные соборы, и производятъ сумозбродныя ученія. Буриньіона (*), Венеціанская отроковица, госпожа Гюіонъ, суть женщины досаднѣе Епикуріанокъ такъ какъ была Нинона (**), Мы

(*) Антуанетта Буриньіонъ, славная своимъ сумозбродствомъ, которая купила островъ Нордстрандъ, чтобы тамъ учредить таинственную секту. Сочиниила девятнатцать великихъ книгъ, и пренебрегла великое щастіе, чтобъ разпространить свои заблужденія.

Вениціанская отроковица, была старая дѣвка, которая называлась Мессіею женскаго пола.

Госпожа Гюіонъ прекрасная и весьма багатая женщина, проповѣдывала при послѣднемъ владѣніи о чистой любви, и возобновила сумозбродство Квіетисмы.

(**) Нинона Ленклосъ, склонная къ любви дѣвица, нѣжной и страстной къ утѣхамъ ея умъ привелъ ей въ забвеніе развращеніи своего сердца, котораго исправить она никогда не старалась.

Мы хотимъ, чтобы женщины знали только то, что мы имѣемъ прелестнаго и самаго точнѣйшаго. Все, что можетъ возбуждать въ насъ любопытство и придавать пріятности вображенію имъ лучше приличествуетъ, нежели намъ. Сіе есть весьма пространное поле, гдѣ они могутъ не токмо оказать противъ насъ свое искусство но еще насъ и превзойти безъ всякаго намъ уничиженія.

Физика и Исторія могутъ представить женщинамъ пріятной родъ ученія. Первая, не въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ систематическаго; но примѣчаніями и полезными опытами (*) представляетъ зрѣлище весьма

(*) Многія изъ нашихъ госпожъ оказали въ сихъ наукахъ похвальное любопытство, и старались знать изъясненія главныхъ въ нихъ дѣйствіи: надобно желать, чтобъ ихъ примѣръ возбудилъ другихъ. Можно всегда того надѣяться, и находятъ уже у нѣкоторыхъ женщинъ собранія естественныхъ рѣдкостей, гораздо драгоцѣннѣйшихъ, Саксонскихъ и Китайскихъ куколъ

весьма достойнѣе разумной твари. Но предъ бо́льшею частью женщинъ, которыя прилѣпляются къ однимъ бездѣлкамъ, природа тщетно изображаетъ свои чудеса: она нѣма для тѣхъ, которыя вопрошать ея не умѣютъ.

Женщины имѣютъ больше вниманія, нежели о нихъ думаютъ. Имъ недостаетъ одной прилѣжности. Не сыщется ни одной молодой особы, которая бъ съ жадностію не читала великаго множества Романовъ и ребяческихъ сказокъ, кои весьма удобны развратить ея умъ. Естьлибы она употребила то время на ученіе Исторіи, то бы нашла въ перемѣняющихся дѣйствіяхъ сего міра, увеселенія несравненно полезнѣйшія, и наставленіе преподаваемое самою истинною.

Сіе собраніе картинъ, которыми преизобилуютъ лѣтописи рода человѣческаго, есть весьма способно къ исправленію разсудка и се́рдца. Женщины имѣли во всѣ времена великое участіе въ приключеніяхъ, и произвели столько различныхъ дѣлъ,

что

что можно почитать всѣ наши архивы общими. Многїя изъ нихъ описывали различныя приключенїя, коихъ были они свидѣтели. Дѣвица Монпансье, госпожа де Мурсъ и Моттевиль, и проч: оказали себя въ семъ родѣ. Христина де Пизанъ, дочь одного Астронома, бывшаго при Карлѣ V. издала жизнь сего Государя; и еще гораздо прежде ея, Анна Комнина написала исторїю своего времени. Сїи примѣры возбуждаютъ женщинъ требовать своего права и почерпать въ Исторїи, полезныя ученїя, къ управленїи своей жизни.

Сїя наука не меньше увеселительная, какъ и полезная неотмѣнно доводитъ до художествъ, которыя бы не худо женщинамъ знать нѣсколько пооснователньѣе. Они сами собою столько прїятны, что не имѣютъ въ томъ нужды, чтобъ ихъ хвалили нѣжному полу. Всѣ предметы, какїя они представляютъ, имѣютъ сходство съ женщинами, и бываютъ такъ какъ оныя, украшены блистательною красотою. Умъ всегда прїятно увеселяется изображенїями живописи,

музыки и стихотворства, а особливо естьли они согласны съ нравами народа. Сїи три прелестныя художества прославили, при владѣнїи Людовика XIV. во Францїи дѣвицу Шеронъ, которая соединила въ себѣ дарованїя Сапфы, М..... и Розалбы.

Обхожденїе съ науками, есть нѣкоторымъ образомъ прїобрѣтенїе новаго чувства. Они столь прїятно подражали природѣ и ея столь много украсили, что всякъ въ томъ упражняющейся находитъ въ нихъ источникъ, преизобилующей новыми утѣхами. Весьма бы хорошо здѣлать средство противъ скуки, чрезъ сїе усугубленїе нашихъ природныхъ сокровищъ. Не можно, безъ великой грубости отрещись, отъ принятїя владѣнїя надъ множествомъ прекрасныхъ предметовъ, произведенныхъ науками.

Не надобно опасаться, чтобъ старанїе женщинъ о знанїи всѣхъ вещей; затмило природныя прїятности ихъ разума, но напротивъ того сїи прїятности будутъ чрезъ нихъ еще чувствительнѣе. Ничто несравни-

тельно

тельно обществу женщины, которая болѣе старается украсить свой разумъ, нежели лицо. Въ одномъ все дѣлается полезно, и получаетъ степень совершенства, которую одни они только придать могутъ. Прелестное искусство, разсказывать съ живостію разумныя вещи, однимъ только имъ свойственно: женщинами процвѣтаетъ умъ человѣческой, ими намъ сообщается пріятная вольность, которой мы никогда безъ нихъ въ важныхъ дѣлахъ найти не можемъ.

Какое средство напротивъ того могутъ имѣть люди безъ просвѣщеннаго разума, которой ни о чемъ разсуждать не можетъ. Тщетно стараются они наполнить пустоту своего разговора подлыми шутками; скоро исчерпывается безплодной источникъ новыхъ вѣстей, учтивостей и модныхъ бездѣлицъ: напослѣдокъ прибѣгаютъ къ смертоноснымъ заразамъ злословія. Да безъ того и обойтиться не льзя, чтобъ не пресѣчь вдругъ рѣчи. Обхожденіе, не имѣющее никакого твердаго основанія, или скучно, или беззаконно.

Одно только есть средство, здѣлать его полезнѣе и изобильнѣе утѣхами, естьли женщины, имѣющїя первенство во всѣхъ нашихъ собранїяхъ, согласятся исправить свой вкусъ, питая его полезнымъ чтенїемъ. Ихъ извѣстное достоинство разгонитъ вокругъ ихъ шатающихся безумцовъ, старающихся учинить ихъ столько презрительными, каковы они сами. Но всѣ честные люди стремятся исправить ихъ сердце, чтобъ оно было достойно имени *хорошаго общества*.

Въ семъ новомъ собранїи они прїобрѣтутъ, въ разсужденїи мыслей, не потеряя ничего въ разсужденїи своей веселости. Достоинство само отъ себя непечально; напротивъ того видимъ, обыкновенно у разумныхъ и обходительныхъ людей прїятную веселость гораздо предпочтительную симъ великимъ блистанїямъ скотскаго невѣжества. Сїи прїятныя общества, гдѣ (*) *Лафайетъ*, *Сепинье*, *ла Саблїеръ* находятся *съ Випоннами*, *Рошефуколтами*, *Лафарами*, конечно стоятъ нынѣшнихъ нашихъ собранїй.

(*) Имена ученыхъ Французскихъ женщинъ.

бранїй. Тамъ довольно пользовались и знали говорить о великихъ дѣлахъ самымъ веселымъ образомъ.

Наконецъ, я повторяю прекрасному полу, что средство быть долгое время прекрасною, состоитъ только въ томъ, чтобъ не ограничивать своего знанїя великою кучею сказокъ, или тупыхъ мыслей, но имѣть всегда въ своемъ умѣ источникъ знанїй способнымъ подкрѣплять оной. Прїобрѣтенное достоинство составляетъ увеселенїе неподверженное тлѣнїю какъ розы и лилеи, но продолжаетъ владычество прекрасной женщины до глубочайшей старости; (*) что начинаетъ красота, то совершаютъ дарованїя. Естьли женщины не хотятъ, чтобъ они сїяли одно только утро, то должны вспомоществовать своей врожденной способности чрезъ ученїе, и обхожденїе съ просвѣщен-

(*) Симъ способомъ Герцогиня де Валентинуа сохранила свою власть при трехъ владѣнїяхъ. Госпожа де Верю, Тансинъ, и еще нѣкоторыя чрезъ сїе нашли средство избѣжать скуки, сопряженной съ старостїю. Просвѣщенной и прїятной разумъ никогда не старѣется.

свѣщенными людьми. Чрезъ сїе они могутъ себѣ снискать убѣжище, которое иногда избавитъ ихъ отъ скуки уединенїя, и соединитъ въ нихъ преимущества обоихъ половъ.

Къ нашему щастїю мы живемъ не въ тѣ времена, когда предразсужденїе подвергало женщинъ и всѣхъ благородныхъ людей совершенному невѣжеству. Посмѣянїе, здѣланное Педантскому знанїю привело въ такую противность всѣ науки, что (*) многїе женщины ставили въ честь портить слова природнаго своего языка; но всегда находилися изъ нихъ, которыя, низвергнувъ съ себя иго обычая, дерзали говорить и мыслить справедливо; есть еще и нынѣ нѣкоторыя, что ставятъ себѣ въ стыдъ быть ученѣе большой части нашихъ петиметровъ и придворныхъ.

ГЛАВА

(*) Молїеръ не хотѣлъ пересмѣять въ своей комедїи ученыхъ женщинъ, но одну гордость мнимаго знанїя; однако онъ тронулъ противъ своей воли всѣ роды наукъ. А лѣность справедливыхъ предѣловъ никогда не перешла.

ГЛАВА III.

О упражненіи женщинъ.

Женщины носятъ вездѣ съ собою завязанной мѣшокъ съ рукодѣльемъ, которой имѣютъ всегда при себѣ въ собраніяхъ, въ позорищахъ и въ самой церкви. Симъ они доказываютъ свое почтеніе къ трудамъ, которое они почитаютъ за должность. Съ моей стороны, я ихъ нахожу достойныхъ сожаленія, когда они только что показываютъ трудъ, немогущей ихъ избавить отъ скуки и праздности.

Трудъ есть законъ природы, коего соблюденіе приноситъ славу роду человѣческому. Достоинство, щастіе, полъ, ничто не можетъ насъ отъ него освободить, и ничто такъ не презрительно, какъ сіе малодушіе, которое заставляетъ насъ отъ него убѣгать. Ничего не дѣлать, есть входить въ небытіе по своей волѣ.

Какъ наши госпожи дерзаютъ безъ всякаго стыда, раздѣлять съ трудолюбивымъ супругомъ честь, которую

общество ему платитъ за его труды: напротивъ того и сами препровождаютъ свои дни въ вредной и разворительной для нихъ и для всей ихъ фамилїи праздности. Развѣ они не думаютъ, что они обязаны дѣлать услуги въ воздаянїе тѣхъ, кои сами отъ другихъ получаютъ? Хотя достоинство и щастїе ихъ освобождаютъ отъ великихъ трудовъ, которые обременяютъ женщинъ нижняго состоянїя, однако они всегда бываютъ подвержены общему закону. Находясь въ другихъ предѣлахъ, порабощены другому роду упражненїя, въ разсужденїи ихъ воспитанїя и состоянїя.

По симъ основанїямъ, я прошу нашихъ женщинъ нынѣшняго свѣта, принять трудъ разсмотрѣть самихъ себя. Ибо надлежитъ признаться, что неблагородныя въ семъ случаѣ исправляютъ болѣе нежели отъ нихъ требуется. А большая часть благородныхъ, кажется, употребляютъ нѣсколько во зло свою жизнь, и теряютъ безумно время, о которомъ послѣ они тщетно уже сожалѣютъ.

Та, которую называютъ женщиною нынѣшняго свѣта [Ахъ! да кто нынѣ не изъ сего числа] встаетъ въ двенатцать часовъ препровождаетъ остатокъ утра за нарядомъ или принимаетъ гостей еще въ спальномъ платьѣ. Послѣ обѣда опять принимаются за уборъ, чтобъ ѣхать на позорище, или на гульбище; оттуда пріѣжжаютъ куда ни будь ужинать, чтобъ тамъ показать свое украшеніе; возвратившися домой, ложатся очень поздо, чтобъ назавтра возобновить столь полезное упражненіе.

Провожденіе такимъ образомъ жизни, оставляетъ имъ весьма много свободнаго времени. Будучи остроумны къ потерянію онаго, они ввели игру, которая наполняетъ удивительно сіи излишки. Симъ средствомъ умножили они къ себѣ пріѣздъ, и собрали общество тѣмъ многочисленнѣе, что тамъ глупой и умной человѣкъ равно себя представляютъ кругъ стола въ кадриліи.

Надобно конечно имѣть, говорятъ наши прекрасныя игральщицы, какое ни будь увеселеніе. Но не можно ли

сыскать такого, которое бы было благороднѣе того, чтобы спорить о нѣкоторомъ числѣ денегъ и трудиться для пріумноженія страсти къ прибытку, и безъ того чрезмѣрно вкоренившейся. Впрочемъ увеселеніе ли это, чтобъ сидѣть четыре, или пять часовъ, то есть, цѣлую почти треть своей жизни, не имѣя другова разговора, кромѣ того, что происходитъ отъ красныхъ, или черныхъ пятенъ, изображенныхъ на бумагѣ.

Сіе ребяческое сокращеніе времени столь любимое женщинамъ, вмѣсто того, чтобъ быть отдохновеніемъ, есть весьма важное упражненіе, причиняющіе вредъ ихъ здравію. Ихъ видятъ, что они въ самое прекраснѣйшее время года, и еще будучи въ деревнѣ, не вкушаютъ пріятностей оныя, но съ великимъ жаромъ бьютъ и перебиваютъ карты до са́мой ночи. Сія страсть не даетъ имъ встать съ стула и подвергаетъ ихъ всѣмъ болѣзнямъ, произходящимъ отъ недостатка движенія.

Чтобъ ввесть въ употребленіе сію лѣность, представляютъ слабость

бость своего сложенія; но сія точно лѣность и приводитЪ вЪ слабость ихЪ здоровье, и разрушаетЪ нечувствительно силу и дѣйствіе ихЪ органовЪ. Женщины не сотворены, чтобЪ испытать такія трудности, какЪ мы. Но природа, даровавЪ имЪ красоту, присовокупила кЪ ней степень силы, которая есть часть оныя, и довольную влїяла вЪ нихЪ бодрость вЪ разсужденїи того, что она отЪ нихЪ требуетЪ. Живость, сЪ коей они вдаются чрезЪ цѣлые дни сильнымЪ упражненіямЪ, такЪ какЪ танцованье, (*) конечно не предвѣщаетЪ того, что они опредѣлены сидѣть во всю свою жизнь вЪ креслахЪ.

Весьма трудно согласить между собою удивительную живость женщинЪ, когда повелѣваютЪ ими увеселе-

(*) Три прекрасныя женщины, хотѣли испытать нѣсколько тому лѣтЪ, своихЪ силЪ вЪ семЪ упражненїи. Они были вЪ деревнѣ, и притомили не токмо всѣхЪ мущинЪ бывшихЪ вЪ собранїи, но и крестьянЪ: однако сія маленькая побѣда одной изЪ нихЪ стоила жизни.

селеніе, или страсти, съ нечувствительною жизнію, которой многія изъ нихъ себя подвергаютъ. Можно иногда ихъ назвать во всемъ пламенными, а иногда они кажутся, что и дышатъ по неволѣ. Сіи двѣ крайности раздѣляютъ весь нѣжной полъ, и часто слѣдуютъ другъ за другомъ въ одномъ дѣлѣ.

У однихъ сія нечувствительность есть опасная тишина, послѣдующая послѣ волненія страстей, у другихъ недостатокъ бодрости, препятствующей имъ дѣйствовать и мыслить. Только во всѣхъ случаяхъ сія болѣзнь есть самая опаснѣйшая, которая только можетъ имъ приключиться: ея можно уподобить ржавщинѣ, снѣдающей нечувствительно тѣло и отнимающей всю живость разума.

Сія слабость столь обыкновенная въ много народныхъ городахъ бываетъ всегда наказаніе за праздность. Она есть глубокой сонъ, отъ котораго надлежитъ себя освобождать весьма сильнымъ движеніемъ. Тщетно наши красавицы одержимыя сею болѣзнію, проѣжжаются въ каретѣ,

каретѣ, или переходятъ нѣсколко разъ черезъ усыпанныя пескомъ алеи; но сего не довольно, надобно дѣлать что нибудь болѣе, и Докторъ Тронхинъ (*) доказалъ силу онаго, приказывая самымъ нѣжнѣйшимъ женщинамъ чрезъ силу ходить и быть въ жестокихъ упражненїяхъ. Сїе есть единое средство къ извлеченїю ихъ изъ жалостнаго состоянїя, въ которое ввергаетъ ихъ покой и изобилїе.

Пусть женщины покорятся природѣ и трудамъ: я лучше люблю безумной и безполезной трудъ, нежели такое онѣмѣнїе чувствъ, которое можетъ почесться родомъ смерти. Сїя молодая дѣвица, которая суется безъ памяти повсюду съ великимъ стукомъ, велитъ вести себя въ двацать мѣстъ; въ

 одинъ

(*) Сей Женевецъ болѣе Философъ, нежели врачь, былъ увѣренъ, что праздность есть мать всѣхъ какъ болѣзней тѣлесныхъ, такъ и пороковъ душевныхъ. Онъ заставлялъ нѣкоторыхъ изъ сихъ больныхъ натирать воскомъ столы, и копать по нѣскольку грядъ въ саду и проч: естьлибъ его пребыванїе далѣе продолжилось, онъ бы раззорилъ весь медицинской факультетъ, истребя источникъ болѣзней.

одинъ вечеръ можетъ нѣкогда притти сама въ себя и умѣрить свою неистовую живость. Но весьма рѣдко случается, чтобъ та, которую роскошная праздность привела въ совершенное унынїе, предпрїяла оной сопротивляться, и низвергнула бы съ себя иго своей нечувственности. Разлившаяся рѣка въ берега свои входитъ, но тиноватое болото всегда таково остается.

Чтобъ избѣжать печальныхъ мыслей, раждающихся отъ праздности, развѣ нѣтъ другова способа, кромѣ того, чтобъ ввергнуть себя въ безумїе? Безъ сомнѣнїя есть разумное посредство, но его мало ищутъ: нашихъ красавицъ можно раздѣлить въ нечувственныхъ и сумозбродныхъ.

Тѣ, кои избавляются отъ унынїя, вдаются обыкновенно въ мотовство, которое заставляетъ ихъ неумѣренно наряжаться и влюбляться во все, что только ни увидятъ. Прихоти слѣдующїя безъ перерывно одна за другою держатъ ихъ въ безпрестанномъ движенїи; иногда плѣняются они бралїантовымъ перстнемъ, иногда собачка или попугай дѣлаетъ ихъ увеселенїе,

ніе иногда какая ни будь фарфоровая кукла имъ чрезмѣрно нравится. Умъ ихъ всегда наполненъ новыми вздорами, и оны ничего не дѣлая, жалуются, что не имѣютъ ни одной минуты времени.

„ Такимъ образомъ говоритъ одинъ „ древней писатель вся жизнь прохо„ дитъ въ томъ, что или ничего со„ всѣмъ не дѣлаютъ, или дѣлаютъ то, „ что не надобно„. Я желалъ бы, чтобъ вздумалось нашимъ госпожамъ написать все въ вечеру, что они здѣлали въ день: они увидятъ, что они дѣйствительно въ томъ состояніи, о которомъ я теперь говорилъ, или *ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ все пустое.*

Словомъ, надлежитъ имѣть дѣйствительной и ежедневной трудъ: тѣло должно имѣть свое упражненіе, такъ какъ и разумъ: вязать узелки и махаться опахаломъ; не можетъ почесться трудомъ: надобно имѣть родъ работы, требующей попеченія, такъ какъ шитье и рисованье, и прочая. Женщины выучились сему въ самой своей молодости; конечно не для того, чтобъ то позабыть въ возрастѣ.

Въ какой бы степени они ни находились, порядочной трудъ принесетъ имъ всегда честь. Сїе есть единственное средство, не подвергать свой умъ ослабленїю, или первой страсти, которую случай въ нихъ раждаетъ.

Когда читаютъ у древнихъ, что они объявляютъ о житїи женщинъ того времени, то сколь оное отдалено отъ того, чтобъ почитать трудъ за ненадобное. Гомеръ намъ описываетъ царицъ, кои будучи обязаны правленїемъ дома и домашними попеченїями, дѣлали еще одежды своимъ супругамъ и ихъ фамилїи. Онъ намъ изображаетъ Андромаху, упражняющуюся въ шитьѣ золотомъ; Елена дѣлала также богатыя ковры; славная Пенелопа и ее полотно всѣмъ извѣстны. Теокритъ, Теренцїй, Виргилїй и всѣ какъ древнїя, такъ и новыя писатели, похваляютъ непраздную и трудолюбивую жизнь; и въ самыя развращенныя времена въ Римѣ, Августъ по свидѣтельству Светонїя, не носилъ

иного платья, кромѣ зделаннаго его женою или сестрою.

Въ послѣднемъ вѣкѣ было во употребленіи упражняться женщинамъ въ полезныхъ трудахъ. Половина нашихъ древнихъ дворянъ препровождали каждой день нѣсколько времяни въ дѣлахъ домашнихъ; видны еще во Франціи многія замки, которыхъ весь уборъ былъ зделанъ руками хозяйки.

Всегда можно показать женщинамъ примѣры для поощренія ихъ къ трудолюбію. Нѣмцы, въ семъ случаѣ премудрой народъ, которой меньше прочихъ отдалился отъ древнихъ нравовъ, сохранилъ у женщинъ сію любовь къ трудолюбію, которую они сами имѣютъ. Во всѣхъ дворахъ Нѣмецкой землѝ, Принцессы трудятся съ своими комнатными женщинами, и не стыдятся знать домовыя обстоятельства. Они не думаютъ, что женщины имѣютъ сіе преимущество, чтобъ ничего не дѣлать, они трудятся, не пользуяся онымъ правомъ. Но разсуждая, что трудолюбіе есть добродѣтель полезная для себя и другихъ,

гихъ, и приносящая честь на са́момъ тронѣ.

ГЛАВА IV.

О увеселенїяхъ.

Женщины всечасно говорятъ о увеселенїяхъ съ такимъ восторгомъ, которой ихъ прельщаетъ. Однако сїи скоротечныя забавы, представляющїяся столь прїятными, часто не имѣютъ ничего, что объ нихъ воображаютъ, возвращаются весьма невеселы изъ собранїя, гдѣ чаяли много веселиться, и увеселенїе отсылается до другова случая, гдѣ онаго не болѣе найдется.

Чтобъ нетщетно трудиться въ изысканїи увеселенїя, надлежитъ женщинамъ имѣть справедливое о немъ понятїе, и болѣе всего остерегаться отъ ложныхъ мнѣнїй, которое чрезмѣрно быстрое ихъ воображенїе имъ представляетъ; оно-то ихъ безпрестанно выводитъ изъ предѣловъ истины, и обѣщаетъ имъ восхищенїя

и удовольствїя, коихъ нѣтъ въ естествѣ: сїи суть одни прекрасныя мечтанїя, оставляющїя по себѣ сожалѣнїе, что были столь долго ими обмануты.

Все, что женщины ищутъ столь далеко, есть гораздо отъ нихъ ближе, нежели они думаютъ: увеселенїя всегда у нихъ подъ руками; но надобно быть въ щастливомъ состоянїи, чтобъ ими пользоваться: они суть дѣти нужды; естьли ее голосъ ихъ не призываетъ, то тщетно они за ними гонятся.

Естьли гулянїе послѣдуетъ по сидѣнїи, то оно бываетъ чувствительнымъ увеселенїемъ; покой бываетъ также онымъ съ своей стороны, естьли онъ былъ предслѣдуемъ какимъ ни будь трудомъ, всякое дѣло быть можетъ увеселенїемъ, естьли его только дѣлаютъ въ его время. Отъ сего разумнаго переслѣдованїя, жизнь получаетъ свои прелести: она оныхъ не имѣетъ для тѣхъ, кто не знаетъ мѣшать труда съ отдохновенїемъ.

Но сей то есть главной порокъ болшой части нашихъ красавицъ. Единственная ихъ склонность къ увеселе-

веселенїямъ, и чрезмѣрное тщанїе въ изысканїи оныхъ, принуждаютъ ихъ отъ нихъ убѣгать; они не хотятъ знать, что увеселенїе покупается, и что трудъ есть цѣна онаго; не дѣлая послѣдняго, не можно никогда имѣть перваго.

Надобно имъ конечно знать, что иногда надлежитъ оставлять то увеселенїе, которое они обожаютъ, чтобъ послѣ опять его воспрїять; прїятное движенїе возбуждаетъ и оживляетъ душу, которую бы оно отягощало безпрерывнымъ продолженїемъ.

Женщины тщетно хотѣли здѣлать увеселенїи вѣчными, стараясь ихъ перемѣнять и изыскивать самыя лучшїя. Способной къ изобрѣтенїямъ ихъ умъ умножилъ предметы забавъ, и всякой день изобрѣталъ новыя безъ всякой въ томъ прибыли. Всѣ сїи выдуманныя утѣхи, основаны на суетности, и имѣютъ весьма слабую силу надъ душею, симъ самимъ они болѣе доказываютъ невозможность удержать увеселенїе во всю жизнь, какъ того желаютъ нѣкоторыя женщины.

Впрочемъ должность ли это разумной твари, чтобъ полагать главное свое дѣло въ забавахъ? Женщина обладаемая сею склонностью къ увеселенїю, не можетъ быть никогда ни матерью, ни супругой, ни другомъ, ни гражданкой; какая ни будь забава, или балъ приводятъ ей все въ забвенїе: щастлива еще, что отъ сего всегдашняго отдаленїя ума, она сама себя забыть не можетъ.

Въ са́момъ дѣлѣ добродѣтель не всегда бываетъ послѣдняя жертва своимъ склонностямъ. Когда повторяемое веселье здѣлаетъ скучными обыкновенныя забавы, то ищутъ возбудить отвращенную отъ нихъ ду́шу чѣмъ ни будь гораздо чувствительнѣйшимъ. Живость, придаваемая женщинамъ нѣжными страстьми весьма сильно ихъ къ себѣ привлекаетъ. Ихъ сердце находитъ новое убѣжище въ одной мнимой любви, къ которой они имѣютъ великую склонность. Бѣдственная прелесть! которая, прїуча ду́шу къ сильнымъ движенїямъ, вперяетъ въ нихъ отвращенїе ко всему, что нѣсколько бываетъ умѣренно.

Тогда

Тогда спокойныя и невинныя забавы, представляемыя намъ природой, изчезаютъ; сердце имѣетъ нѣкоторую мѣру чувствованія, которое надлежитъ искусно зберегать: у женщинъ оное еще нѣжнѣе нашего. Но они столько истощеваютъ всю сію чувствительность надъ однимъ предметомъ, которой имъ понравится, что ужѐ у нихъ болѣе ничего не остается для другаго. Любовь овладѣетъ всею ихъ душею, затворяетъ проходы всѣмъ другимъ склонностямъ, и погружаетъ ее въ глубокую забывчивость. Сіе есть, краткія припадки, которымъ слѣдуетъ несносная холодность, изъ коей они безъ чрезмѣрнаго труда, выттти не могутъ.

Забавы, къ коимъ мы склонны, соотвѣтствуютъ пространству и способности сéрдца, которое не сотворено для сихъ утѣхъ, кои его внѣ себя восхищаютъ. Сіе есть родъ долго продолжающагося мученія. Но есть безчисленное множество увеселеній, кои хотя не столь сильно надъ нами дѣйствуютъ, однако тѣмъ не менѣе достойны почтенія. Они раждаются

каждой

каждой день подъ разными образами, и вмѣсто того, чтобъ погибать, вмѣстѣ соединяются, производя въ душѣ пріятной жаръ, которой утверждаетъ ихъ здоровье, и содержитъ его въ щастливомъ равенствѣ.

Сіи увеселенія суть того рода, которыхъ исканіе не подвергаетъ женщинъ никакой напасти, и которыя они могутъ вкушать безъ всякаго смущенія и угрызенія. Я сожалѣю о нечувствующихъ поношенія своей чести, и почитающихъ жизнь избавленную отъ волненія страстей печальною. Подобная нечувствительность къ спокойствію души лишаетъ ихъ пріятностей несравненно предпочтительнѣйшихъ тѣмъ, коихъ они могутъ ожидать отъ опаснаго прилѣпленія. Цѣломудренная и разумная женщина знаетъ выбирать себѣ увеселеніи, гдѣ ее разумъ пользуется, не отъемля добродѣтелей ея сердца.

Особа сего состоянія знаетъ употреблять въ пользу перемѣняющейся видъ общества. Какую дань увеселеніи платитъ ей природа и искусство?

ство? Все говоритъ и разсуждаетъ съ той, которая можетъ мыслить: одно совершенное безумїе вкореняетъ въ умъ множество предметовъ, кои его нимало не веселятъ, и гдѣ подлыя женщины находятъ пустое зрѣлище для глазъ: тамъ имѣющая болѣе разсужденїя всегда находитъ новое увеселенїе разуму.

Не можно сего почесть [какъ они думаютъ] за знакъ превосходства разума. Естьли женщины жалуются на скуку. Сїе зло будучи наивеличайшее изъ тѣхъ, кои оскорбляютъ душу, есть точной знакъ ихъ худаго сложенїя. Весьма безчестно и малодушно приходить въ скуку среди множества предметовъ, могущихъ насъ снабдить безпрестаннымъ увеселенїемъ; и способъ, коимъ нѣкоторыя люди отгоняютъ сего непрїятеля, показываетъ еще болѣе слабость онаго. Но сыщется не одна прекрасная женщина, которая хочетъ представлять изъ себя въ свѣтѣ одну движущуюся машинку.

Я видѣлъ одну изъ сихъ красавицъ, терзаемую скукою, коей не

знала

знала она притчины, но вдругъ чрезмѣрно обрадовалась, увидя Сибирскую собачку, кою ей прислали, и столько плѣнилась сею тварью, что болѣе изъ дома не выѣжжала, и осудила себя быть надъ ней надзирательницей во всю свою жизнь.

Забавы такъ какъ и мысли имѣютъ больше или менѣе участія въ разумѣ. Женщина, украшенная дарованіями, вмѣсто того, чтобъ разговаривать съ собачкой или птичкой, будетъ пользоваться пріятнымъ и стройнымъ звукомъ Клавиръ, соединяя съ нимъ сладость своего пѣнія, учреждаемаго вкусомъ и мыслію: она потомъ употребитъ нѣсколько времяни на полезное и увеселительное чтеніе. Презрительныя романы, которыхъ все достойнство состоитъ въ ласканіи страстей читателя, не будутъ никогда любезными ей книгами. Она найдетъ въ особахъ своего пола писателей гораздо предпочтительнѣйшихъ.

Женщины могутъ составить библіотеку изъ одинхъ сочиненій женщинъ. *Вилледіо Дезуліеры, Севинье*

ла

ла Сюзъ, и множество другихъ, не уступятъ въ разумѣ нашимъ самымъ славнымъ мужамъ. Славная *Фонтенель* написала нѣкоторыя сочиненія купно съ дѣвицею Бернардъ: но въ наши времена она признала себя побѣжденною госпожею де Шталь (*). Родъ сихъ превосходныхъ женщинъ не истребился. Мы еще имѣемъ *Талїи* для комедїи, *Клїи* для исторїи; и славная наша Академїя содержитъ въ числѣ своихъ сочленовъ краснорѣчивую подражательницу *Милтона*.

Въ обхожденїи съ подобными людьми разумная женщина можетъ отдыхать отъ своихъ трудовъ, получая пользу, и приводя въ совершенство щастли-

(*) Госпожа Шталь, извѣстная прежде своего замужства, подъ именемъ дѣвицы де *Лунай*, писала по причинѣ нечистаго духа дѣвицы *Тестарды* письмо къ господину Фонтенеллу, которое почитается безпримѣрнымъ въ своемъ родѣ. Она также написала два тома примѣчанїй съ великою способностїю, и нѣсколько комедїй; которыя играли у покойной Герцогини *Дю Мень*, которая соединяла въ себѣ всѣ достоинства разныхъ родовъ.

щастливое дарованiе благородно и свободно изъясняться. Утѣхи разумнаго человѣка, должны споспѣшествовать къ просвѣщенiю его разума, увеселяя прiятно его сердце.

Театръ могъ бы принесть полезное увеселенiе, естьлибъ не переходилъ надлежащихъ предѣловъ. Есть великое множество драмматическихъ сочиненiй, которые могутъ возвысить мысли и исправить вкусъ. Но нѣжная женщина должна беречся присутствовать на подлыхъ позорищахъ, гдѣ роскошныя пѣсни производятъ на счетъ ихъ пóла хохотанiе безумнаго собранiя.

Такiя позорища могутъ болѣе испортить, нежели украсить ихъ воображенiе; оное есть изобильной источникъ увеселенiй, которой имъ не надобно возмущать. Нѣтъ ни одной минуты, когдабъ оное не могло намъ представить невинныхъ и нѣжныхъ утѣхъ: оно даетъ лугамъ, лѣсамъ, источникамъ, зефирамъ, пѣнiю птицъ сiю нѣжную прелесть, которую мы въ нихъ находимъ: оно еще увеличиваетъ великолѣпное украшенiе

вселенныя, и простираетъ на всѣ предметы красоту, придающую имъ новое блистанїе.

Жизнь, естьли только умѣютъ ее употреблять, наполнена утѣхами всякаго рода, которыя перемѣнно ласкаютъ духъ и чувства. Но первой нигдѣ столь прїятно не увеселяется, какъ въ обхожденїи просвѣщенныхъ людей, которыя могутъ увеселяя научить. Не льзя довольно изобразить сколь предпочтителенъ ихъ разговоръ пустому болтанїю всесвѣтныхъ волокитъ; съ первой стороны можно все прїобрѣсть, и съ другой все потерять. Обхожденїе женщинъ съ первыми возвышаетъ ихъ духъ, раждаетъ въ нихъ новыя мысли, свобождаетъ ихъ отъ страстей, и употребляетъ къ пользу самое праздное время; напротивъ того пустой разговоръ послѣднихъ помрачаетъ ихъ разумъ, дѣлаетъ ихъ презрительными, и развращаетъ совершенно ихъ сердце.

Естьли какую ни будь вещь можно присовокупить къ забавамъ, которыя намъ приноситъ выбранное общество,

щество, то сіе ни что иное, какъ дружба. Я не знаю отъ чего люди производятъ несправедливость выключать изъ того женщинъ; они рождены гораздо чувствительнѣе людей, и могутъ быть вѣрными друзьями, естьлибъ только тщаніе всѣмъ угодить, и показаться прекрасною, не привело въ безсиліе ихъ сердце. Я не стану много простираться о пользѣ дружбы (*), которую можно назвать сугубою жизнію, потому что живешь

(*) Маркиза де Ламбертъ сочинила маленькую книжку о дружбѣ, которую можно почесть за безпримѣрное произведеніе, гораздо превосходящее сочиненіе [впрочемъ достойное почтенія] изданное Господиномъ Саси. Сія славная, прекрасная и разумная госпожа, имѣла всегда друзей, но никогда любовниковъ, и можетъ представляема быть въ примѣръ женщинамъ. Хотя она упражнялась въ ученіи, и имѣла у себя ежедневно великое собраніе, однако не презирала попеченіи своего дома, и управляла оной такимъ образомъ, что будучи въ самомъ знатномъ состояніи, находила еще средство къ оказанію великихъ щедростей.

въ своемъ другѣ. Маркиза де Ламбертъ изобразила оное весьма нѣжно; чрезъ что она показала, что ее сердце было сотворено, вкушать прїятность онаго. Всякой читая оное, желаетъ найти подобнаго друга, и чувствуетъ, что ничто несравнительно сему благу.

Сїи утѣхи, трогающїя душу, безъ всякаго ей смущенїя, не принадлежатъ къ безразсудной толпѣ прекраснаго пола, которыхъ безумїе ввергаетъ изъ бездны въ бездну легкомысленности и своенравїя. Сїи женщины имѣютъ нужду въ непрестанномъ движенїи, потому что одна минута разсужденїя привела бы ихъ самихъ въ себя, и опровергла всю сумозбродную ихъ систему, чего они нигдѣ видѣть не желаютъ. Тщетно стараются они лестнымъ образомъ описать свои сладчайшїя увеселенїя. Не можно быть обманутому ихъ безразсуднымъ смѣхомъ, и ихъ чрезъ то не почитаютъ щастливѣйшими. Щастїе есть непрїятель смятенїя, къ которому они стремятся. Вихрь свѣтскаго обхожденїя не его стихїя; оно

оно ищетъ тѣни и общества такихъ людей, которыя могутъ его знать: оно любитъ наслаждаться само собою среди малаго числа разумныхъ друзей, и будучи заключаемъ въ такомъ кругѣ не имѣетъ нужды въ великомъ числѣ, свидѣтелей и шумѣ безумнаго множества.

ГЛАВА V.

О роскоши.

Роскошь имѣетъ столь великое сношенiе съ женщинами и столь великiя для нихъ заразы, что не можно обойтись, чтобъ не упомянуть о сей важной матерiи въ посвященномъ имъ сочиненiи. Я не намѣренъ здѣсь описывать ее политически, но только упомяну, въ чемъ она касается до сего пола, которой принялъ ее въ свое покровительство.

Я не имѣю также желанiя предложить здѣсь въ примѣръ древнiя времена. Роскошь столько жъ стара какъ и свѣтъ; бывали во всѣ времена жен-

щины, кои употребляли во зло все что ни было въ ихъ волѣ, питая тѣмъ свою суетность. Въ первыя вѣки меньше ослѣплялись, потому что менѣе имѣли богатства. Роскошь была тогда по мѣрѣ грубости времяни, и малаго числа изобретенїй. Женщины дикихъ людей въ Канадѣ не меньше почитаютъ свои раковины и перья (*) какъ наши госпожи бриліанты.

Роскошь возрастала по степенямъ съ богатствомъ; она царствовала въ самыя древнїя времена во всемъ востокѣ, была весьма далеко вознесена Аѳинскими женщинами, доведена до самой чрезвычайности въ тѣ нещастныя времена, когда одинъ городъ пожиралъ всѣ сокровища вселенныя. Но во всѣхъ вѣкахъ были люди

учрежда-

(*) Во Францїи видѣли подъ имянемъ *маленькой бланки* дикую дѣвочку, найденную четырнатцати лѣтъ въ лѣсахъ Канады, куда она спасалась, убивши до смерти другую маленькую же дѣвочку. А причина ссоры была за ожерелье, которое каждая изъ нихъ хотѣла имѣть у себя.

учреждающія свои желанія по нуждамЪ и подлѣ ПетронЪ находились всегда Сенеки и Буррусы.

НашЪ вѣкЪ, которой можно сравнить сЪ самыми роскошными временами римской имперіи, представляетЪ еще многія примѣры разумной умѣренности. Среди сей неисчетной роскоши, снѣдающей наивеличайшія богатства, находятся женщины непріятельницы всякой пышности. Будучи спокойныя зрительницы безумія своихЪ согражданокЪ, они знаютЪ, что долженствуютЪ воздавать своему достоинству и истинной благопристойности, наслаждаясь сей прекрасной простотою неразлучной отЪ истиннаго величества.

Общее благо и собственная польза равную имѣютЪ прибыль вЪ истребленіи роскоши, вредительницы всѣхЪ состояній. римскія госпожи жертвовали сЪ радостью своими драгоцѣнными вещьми и уборами сей любви, кЪ общему благу. Не требуется такой жертвы отЪ нашихЪ; но надобно только желать, чтобы они нѣсколько уменьшили

шили свою страсть ко всему, что только нѣсколько ихъ приманиваетъ.

Одни люди непрїятели самихъ себя и рода человѣческаго порицаютъ изыскиванїе прїятныхъ вещей: нельзя безъ нѣкотораго варварства, отбросить съ презрѣнїемъ всѣ сїи прїятныя и полезныя художества, умножающїя утѣхи общества. Дѣлать сїе стало признаваться, что тотъ не рожденъ для вкушенїя прїятности онаго, и показать, что онъ достоинъ обитать только съ звѣрьми; не надобно вооружаться противъ пристойности, пользы и вкуса, которыми мы обязаны обхожденїю и художествамъ.

Но развѣ нѣтъ средства учредить справедливыя границы къ изысканїю выгодъ и прїятностей жизни? Думаютъ ли наши роскошныя красавицы, что сїе великое изысканїе ежедневно умножающееся полезно? и можетъ ли сїя чрезмѣрная нѣжность умножить ихъ и наши забавы?

Легко можно видѣть, что сїя мнимая нѣжность ввергаетъ только женщинъ изъ заблужденїя въ заблужденїе: они набиваютъ голову вздорами, ко-

торыя имъ въ тотъ же день прискучатъ, и перемѣниваютъ ихъ на другія, кои не лучше первыхъ. Желаютъ всегда опять приниматься за произведеніе природы. Но ее обезображиваютъ, дѣлая ея видъ со всѣмъ незнакомымъ, подъ кучею безумныхъ украшеній.

Искусство повсюду разсѣянное столько помрачило воображеніе, что оно зделалось не чувствителъно къ простой красотѣ. Предметы почитаются лутчими не по прямой, пользѣ но по рѣдкости, надежное средство имѣть о нихъ всегда ложное разсужденіе!

Естьли доброта или польза вещей не учреждаетъ болѣе нашъ вкусъ, о оной долженъ перемѣняться по одной лехкомысленности и мнѣніямъ: такимъ образомъ мы и видимъ, что оной перемѣняется ежеминутно безъ всякой причины; думали столь частыми перемѣнами себя обогатить, но чрезъ то пришли въ дѣйствительную нищету: нашъ вкусъ теряется, когда мы чрезмѣрно стараемся его удоволъствовать. Все, что мы употребляемъ съ нѣкоторою бережливо тію, производитъ пріятную различность, но напротивъ того теряетъ

ряетъ всѣ свои прелести, естьли безразсудное излишество будетъ употреблено безъ всякой умѣренности.

Я свидѣтельствуюсь множествомъ нынѣшняго свѣта людей, кои весьма много льстя своимъ чувствамъ, довели себя до того, что ничего не чувствуютъ, они не знаютъ ужѐ болѣе нужды, которая будучи всегда предупреждаема, не сообщаетъ болѣе забавамъ сей живности, которую люди отъ ней только одной получить могутъ. Роскошь и богатство, соединя щегольство съ достаткомъ, всегда ей предшествовали, и тѣмъ природной порядокъ вещей перемѣнили.

Надлежитъ признаться, что женщины много вспомоществовали къ сему соблазнительному опровержeнїю, и съ помощїю ихъ старанїй у насъ нынѣ безпрестанныя праздники, гдѣ каждой мѣсяцъ все возобновляется. Цвѣты, лакъ, позолота, перемѣнно изобилующїя, дѣлаются ежедневно по новымъ рисункамъ. Щегольское и великолѣпное или соединяются или слѣдуютъ другъ за другомъ; нынѣ таковожъ, часто перемѣняютъ кареты и лошадей,

дей, какЪ прежде перемѢнивали платье. Домовыя уборы здѢлались перемѢннымЪ украшенїемЪ; одежды весьма скучнымЪ театральнымЪ нарядомЪ; пиры однимЪ тщеславїемЪ, гдѢ недостатокЪ веселїя и охоты кЪ кушанїю, награждается великолѢпїемЪ сервиза.

Но что отЪ того мы получили? довольство вселило вЪ насЪ отвращенїе ко всему, чѢмЪ мы владѢемЪ, мы желали возбудить утомленной вкусЪ, умножая силу искусства. Но все, что отЪ изобилїя и пышности получить могли, было одно краткое удаленїе скуки, противЪ которой не осталось никакого средства.

Не взирая на сїи плачевныя дѢйствїи роскоши, оно остается всегда идоломЪ женщинЪ: а особливо тѢхЪ, которыя стараясь имѢть сїи блестящїя бездѢлки не стыдятся оставить для нихЪ слѢдовЪ чести. Женщина питая себя такими подлыми страстьми, ищетЪ ихЪ удовольствовать средствами приличными тому, что ее кЪ оному приводитЪ, и не находитЪ для себя болѢе ничего безчестнаго.

Но отвратимъ наши взоры отъ сей части нѣжнаго пола, которая имъ наноситъ поношенiе; надобно себѣ представить, что таковыя женщины со всѣмъ отдалены вмѣстѣ съ обманщиками изъ нашего отъ честнаго общества; однимъ только женщинамъ любящимъ честь и добродѣтель можно говорить съ нѣкоторою пользою.

Я утверждаю, что роскошь наибольше стремится причинить вреда сей любезной части прекраснаго пола. Сколько она помогаетъ безпорядку и мотовству, столько супротивляется истинной судьбинѣ женщинъ. Она опровергаетъ прибыточное замужство, и отвлекаетъ людей отъ всякаго съ ними важнаго обязательства.

Прежде сего бирали женъ безъ приданаго, а иногда женихи снабдѣвали ихъ онымъ; нынѣ съ молодою и прекрасною невѣстою получаютъ великое богатство, однако люди женятся всегда по неволѣ, и часто упуская время, а большая оныхъ часть и со всѣмъ не женится.

Для чего двѣ вещи, которыя люди наибольше любятъ, красота и злато не

не могутъ ихъ склонить къ сладчайшему изъ всѣхъ союзу? Можно увѣрить, что одна роскошь женщинъ, устрашаетъ людей съ ними соединяться. Они справедливо опасаются пышности, которая учинившись необходимостью, и будучи простираема болѣе богатства, приносимаго имъ супругой, угрожаетъ ихъ истощенiемъ собственнаго своего.

Бракъ былъ только въ презрѣнiи въ однѣ роскошныя времена: большая часть устрашаются бремяни онаго, которое своенравiе и гордость здѣлали тягостнымъ. Есть только два рода людей, ему подвергающихся; народъ приведенной въ бѣдность, коей избавится онъ ни чрезъ что не можетъ; или тѣ, кои неисчетнымъ приданымъ поправляютъ свое состоянiе, котораго большую часть въ тотъже часъ употребляютъ на бездѣлицы.

Красота и добродѣтель нынѣ почти ни за что почитаются, и какъ великiя имѣнiи нынѣ рѣдки а особливо у дворянъ: то ихъ наслѣдницы находятся принуждены препровождать свою жизнь въ печальномъ дѣиствѣ

или вступать въ безчестной для нихъ союзъ.

Политическая духовная, которую приписываютъ *Колберту*, сказываетъ объ одной знатной дѣвицѣ, которая будучи принуждена вытти за мужъ за неблагороднаго человѣка, чрезъ годъ умерла отъ того съ печали. Сіи свадьбы нынѣ стали не рѣдки. Но не имѣютъ такихъ печальныхъ слѣдствій. Вызолоченая карета, прекрасныя лошади и гасомъ выкладенная ливрея, награждаетъ несовершенства мужнихъ качествъ. Бралїантовое перо или серги избавляетъ отъ смерти красавицъ, которыя чрезъ то не печалятся о томъ, что изъ объятія славной фамилїи переходятъ въ подлое, а иногда и безчестное родство.

Всѣ нынѣ женщины требуютъ отъ мужей только того, чтобъ ихъ богатство могло утолять ненасытимое ихъ желанїе къ роскоши: женщины обыкновенно разсуждаютъ о людяхъ по наружному блистанїю: они изъ двухъ предпочитаютъ того, у котораго на верьшокъ ширѣ золотомъ вышитъ кафтанъ, принимаютъ всегда

съ

съ учтивостїю *Крислинопъ* опутанныхъ галунами и кружевомъ. Этому дивиться не должно. Воображенїе женщинъ, питаемое безпрестанно разказами о нарядахъ и о подобныхъ вздорахъ, упражняется только въ томъ, какова цвѣта ленты пристанутъ лутче къ платью, такъ что у нихъ болѣе не остается вниманїя для предметовъ онаго достойнѣйшихъ.

Ихъ обхожденїе много споспѣшествуетъ къ умноженїю сей слабости. Нѣтъ ни одного разговору, въ которомъ бы ни упомянули о какомъ ни будь нарядѣ. Естьли говорятъ о невѣстѣ, то дѣлаютъ тысячи вопросовъ о платьѣ, о кружевахъ, о брилїантахъ? какова у жениха ливрея и протч: и очень мало спрашиваютъ о ево состоянїи. Разумъ женщинъ весьма мало печется о важныхъ дѣлахъ, а прилѣпляется къ однимъ бездѣлкамъ: удивительно ли это что ихъ обманываютъ какой ни будь выдумкой, которая имъ препятствуетъ проникать во внутренность вещей!

Но какого преимущества ожидаютъ они отъ сего ложнаго блистанїя,

когда

когда видятъ въ наши времена всѣхъ подлыхъ людей, употребляющихъ въ своихъ одеждахъ, домовыхъ уборахъ и каретахъ все, что богатство и вкусъ можетъ собрать для ослѣпленія глазъ; можно ли почитать людей за столь не разсудное великолѣпіе?

Ливреи знатныхъ домовъ носятъ лакеи наполняющія переднія, самыхъ подлыхъ людей. Нынѣ не льзя различить неблагородную съ знатною женщиною, потому что они обѣ равно одѣваются. Пристойно ли за то раззорять свою фамилію, чтобъ подражать симъ презрительнымъ примѣрамъ.

Вѣсь свѣтъ признается, что блистаніе такимъ образомъ изъявляемое къ себѣ привлечь не можетъ; однако никто отъ него не удаляется. Когда одинъ разъ роскошь сравняла всѣ состояніи; когда, какъ говоритъ *другъ людей* (*) *лѣстница государства наземь положена*, то пышность ничего болѣе не значитъ. Въ семъ точно состояніи мы теперь находим-

(*) Имя одной Французской книги.

ходимся, и наше общество есть ни что иное, какъ маскерадъ, гдѣ всякъ надѣваетъ не то платье, которое ему прилично, но то которое ему полюбится, и подъ которымъ онъ лутче себя скрыть можетъ.

Мнѣ думается, что подобное разрушенїе порядка должно бы было произвесть гораздо большее дѣйствїе нежели запрещающїя роскошь законы. Естьли что ни будь можетъ привесть въ омерзѣнїе суетную роскошь, то конечно не иное какъ всегдашнее взиранїе на людей са́маго подлаго состоянїя ее употребляющихъ; но въ семъ случаѣ всегда бываютъ младенцами. Женщины лутче любятъ раздѣлять сїи мнимыя преимущества съ самыми безчестными, нежели видѣть себя лишенными оныхъ съ самыми добродѣтельными.

ГЛАВА VI.

О украшенїи.

Слѣдующее разсужденїе о роскоши весьма много трогаетъ женщинъ, и слѣдственно намъ трудно

отъ онаго ихъ отвратить. Естьли прямо востать противъ сей важной части ихъ остроумія: то скоро можно подвергнуть себя ихъ ненависти, но никто того предпріять не захочетъ. Намѣреніе, съ которымъ они возводятъ прекрасное зданіе своего наряда, клонится чрезмѣрно много къ пользѣ мущинъ, чтобъ оныя имѣли желаніе его опровергнуть.

Женщины такъ тщательно убираются, конечно для того, чтобъ тѣмъ намъ понравиться. Слѣдственно мы будучи отъ природы учреждены судіями ихъ красоты, можемъ подавать имъ нѣкоторыя увѣдомленіи, и разсуждать о видѣ, подъ коимъ мы желаемъ, чтобъ они намъ казались.

Женщины разсуждали, что искусство можетъ помогать природѣ, и что ихъ пріятности могутъ получать отъ него новыя прелести; онѣ обманулись: нарядъ употребленной съ умѣренностью, приводитъ красоту въ полное сіяніе; но мнѣ думается, что они иногда худо употребляли ево помощь.

Чув-

Чувствуя, что маленькое украшенїе возвышаетъ силу красоты, они заключили, что естьли оное умножится, то прїятности ихъ больше увеличатся. Въ слѣдствїе чего собрали оныя всякаго рода, кромѣ драгоцѣнныхъ камней и золота; ленты, кружева, бахрамы, высѣчки покрываютъ въ три ряда ихъ платье; цвѣты, перья, (*) и всѣ произведенїи природы были употреблены или подражаемы въ разныхъ родахъ ихъ убора: штофы всѣхъ цвѣтовъ были изрѣзываемы съ излишествомъ, которое было доведено до чрезвычайности; нынѣ для платья двухъ женщинъ надобно столько штофу, чтобъ имъ можно убить стѣны цѣлой залы.

Но какое было дѣйствїе сихъ безчисленныхъ нарядовъ? прелести женщинъ, со всѣмъ здѣлались скрыты въ семъ чудномъ уборѣ. Множество без-

(*) Два синїя пера у шеи птицы, называемой соя привлекли вниманїе прекраснаго пола, которой украшалъ ими платье, изъ коихъ на каждое должно было употребить перья изъ 4000. сой.

безделицъ помрачаютъ прекрасное расположенíе чертъ; станъ скрадывается подъ обширной окружностíю хвоста; такимъ образомъ женщина изчезаетъ, а остается только одинъ ее странной нарядъ.

Они безъ сомнѣнíя сперва не имѣли сего намѣренiя. Есть поводъ думать, что первыя изобрѣтенныя ими уборы, были болѣе удобны удовольствовать ихъ желанiе; но стараясь превзойти другъ друга, столько перепортили вещи, что чрезъ то, часъ отъ часу стали удаляться отъ умѣренности, безъ которой не можно никогда имѣть истинной прiятности.

Нарядъ долженъ помогать прiятностямъ, а не истреблять оныя; не чрезвычайное множество, но разумное избиранiе украшенiй умножаетъ блистанiе красоты. Естьли бы женщины разумѣли свою и нашу пользу, то бы за велико не почитали не къ стати употребляемое богатство, супротивляющееся дѣйствiю ихъ заразъ и утѣшенiю, которое мы находимъ въ ихъ красотѣ.

Чрезмѣрное желанїе привлечь на себя взоры многихъ людей приводитъ въ столь великую цѣну у женщинъ сїи бездѣлицы: ибо когда однажды сїя мысль вселится имъ въ голову, то она изгоняетъ всѣ прочїя; тогда только любятъ одно щегольство и великолѣпїе, и живутъ только для того, чтобъ на нихъ всѣ смотрѣли.

Думаютъ, что наши красавицы съѣжжаются толпами на знатныя гульбища для движенїя? Конечно нѣтъ, сжавшись одна съ другой, они не дѣлаютъ ничего какъ только соотвѣтствуютъ усмѣшкою на дѣлаемыя имъ поклоны, и то для того, чтобъ ихъ примѣтили. Они составляютъ предъ нашими глазами цвѣтникъ изпещренной всѣми цвѣтами. Естьли о томъ кто сумнѣвается, то пусть вообразитъ уединенїе, къ которому себя осуждаютъ тѣ женщины естьли уборщицѣ не удается ихъ такъ убрать какъ ей хотѣлось, тогда самой ясной и чистой воздухъ не можетъ ихъ выманить изъ ихъ комнаты.

Можно сказать, что главное увеселенїе женщинъ состоитъ въ оказы-

ванїи себя прекрасными. Сїе ихъ принуждаетъ находиться во всѣхъ собранїяхъ; но какъ они боятся, чтобъ одинакой и постоянной уборъ не престалъ производить дѣйствїе, котораго они отъ него ожидаютъ, то время отъ времени имѣютъ прибѣжище къ перемѣнамъ, привлекающимъ отъ нихъ новое вниманїе.

Вотъ начало сихъ модъ, кои не токмо ихъ, но и насъ къ себѣ привлекаютъ: сїе есть выдумка нѣжнаго пола, чтобъ перероди тогоже человѣка, придавая ему новой видъ, дабы чрезъ то доказать нашей лехкомысленности, что разумъ женщинъ всегда упражняясь въ средствахъ угождать, изобрѣтаетъ ежедневно новыя украшенїи.

Картина нарядовъ перемѣняется такъ какъ вѣтеръ, и *разноситель новости*, (*) часто показывается весьма поздо. Между толикимъ различїемъ изобрѣтенїй, очень трудно чтобъ женщинамъ во всемъ удавалось. Да они часто представляютъ глу-

(*) Маленькое сочиненїе, которое можно почесть за критику на нашъ вѣкъ.

глупыя наряды, кои больше удобны произвесть безобразіе нежели украшеніе.

На примѣръ, мы видимъ съ сожаленіемъ пріятности ихъ лица скрытыя подъ превеликимъ коробомъ, которой не имѣетъ нималаго сходства съ ихъ станомъ: имъ сказывали тысячу разъ, что многія притиранья истребляютъ сію прельщающую насъ живость цвѣта. Но женщины изъ упрямства въ томъ намъ не вѣрятъ. Скажите имъ, что когда смѣшая самыя ядовитыя вещи притрешь ими лицо, то оно будетъ нѣжняе; будучи въ достовѣрномъ иногда сомнительны въ семъ случаѣ безъ всякаго разсмотренія надъ собою опытъ здѣлать отважутся. Они подобны тому человѣку, которой, имѣя у себя прекрасную статую, велѣлъ ее вызолотить. Они малюютъ себя по примѣру древнихъ баххантовъ, и воображаютъ, что выкрася такимъ образомъ себѣ лицо, ихъ глаза дѣлаются чрезъ то живѣе. Сіе обыкновеніе достойное самыхъ дикихъ народовъ (*) превращаетъ прекрасную

(*) Можно думать, что мы притирать лицо переняли у дикихъ. Оно у насъ въ

красную женщину въ малеванную куклу.

Я прошу госпожъ мнѣ простить сїю вспыльчивость противъ худаго употребленїя нарядовъ: но можно ли безъ горести смотрѣть на попеченїи о уменьшенїи ихъ красоты столько насъ плѣняющей? Не льзя удержаться, чтобъ ихъ не просить о собственной ихъ пользѣ.

Во всѣ времена мущины о сохраненїи ихъ красоты болѣе старались нежели они сами, и востали противъ безумныхъ обычаевъ, которыя отъ нихъ оную скрывали, не взирая на ихъ жалобы. Головной уборъ имѣющей великую силу надъ чертами лица, претерпѣлъ ужасныя превращенїи. Прежде сего матери нашихъ щеголихъ надѣвали на себя фижмы, и платьи съ безчисленными бахрамами, а нынѣ ихъ дочери, чтобъ доказать свою природу, не довольствуются тѣмъ, что надѣваютъ на свой

обыкновенїи съ тѣхъ временъ какъ они намъ стали извѣстны; весь свѣтъ знаетъ, что ихъ женщины намазываютъ себѣ лицо и тѣло, а особливо красной краской.

на свой станъ маску, накладывая на бока смѣшныя обручи, но портятъ еще цвѣтъ и прїятность лица мерзской подъ маской.

Надобно, чтобъ женщины больше надѣялись на свои прелести, нежели на всѣ хитрости искусства. Всѣ сїи прїятности занятыя отъ зеркала не стоятъ никогда тѣхъ, кои изобильно на нихъ излила природа; сїи украшенїи, къ которымъ они столько любопытны, не умножаютъ ихъ заразъ, но часто помрачаютъ оныя. Брилїанты, золото, штофы, не прибавляютъ ничего къ красотѣ, но только раздѣляютъ взоры, и все сїе еще болѣе обезображиваютъ ту, которая не имѣетъ кромѣ сего другихъ прїятностей.

Не могутъ ли женщины примѣтить, что природа снабдила ихъ всѣми уборами, и имъ не оставила почти ничего въ семъ случаѣ желать? Пусть они положатъ на нее сыскивать средства угождать, сей способъ есть надежнѣйшей къ полученїю успѣха. Женщина никогда не бываетъ столь прекрасна, какъ въ то время, когда она о томъ не старается.

Что она можетъ получить, упражняясь всегда въ умноженїи своихъ прелестей? Красота не имѣетъ нужды въ исправленїи, какъ разумъ и сердце, о которыхъ женщины привыкли весьма мало думать.

Къ сему то они должны устремить свои попеченїи, ихъ трудъ не былъбы тщетенъ, и можно поручиться о успѣхѣ онаго, но къ ихъ нещастїю многїя о томъ не очень много думаютъ.

А впрочемъ сїе самое истинное и единое различїе, которое люди высокаго достоинства могутъ здѣлать между ими и подлыми. Великолѣпїе смѣшиваетъ однихъ и другихъ подъ однимъ видомъ; но поступки, разговоръ, мысли учредятъ всегда явное различїе, кое изчезнуть не можетъ.

ГЛАВА VII.

О нравахъ и склонностяхъ.

„Своенравїе у женщинъ, говоритъ „ла Брюїеръ, такъ близко со„единено съ красотою, что дѣлает„ся

„ся ее супротивоядомъ „. Въ самомъ дѣлѣ ничто такъ не истребляетъ изъ ума мысли вперенной прекрасною женщиною, какъ легкомысленной и сердитой нравъ; мы за сїе чрезмѣрно много имъ одолжены: удивительно, что тѣ, которыя наиболѣе алчны къ любовнымъ побѣдамъ, бываютъ обыкновенно наименѣе способны къ сохраненїю оныхъ.

Всѣ люди въ томъ соглашаются, что прекрасная женщина есть самое прелестное зрѣлище естества: они всѣ ему удивляются: но рѣдко оная удерживаетъ при себѣ общую любовь, напротивъ того женщина посредственной красоты, или со всѣмъ оной неимѣющая воспламеняетъ страсть самую сильную и долговременную.

Симъ насъ женщины ежедневно укоряютъ. Они думаютъ обвинить нашъ вкусъ, но дѣлаютъ противъ своей воли, похвалу нашему разпознанїю: сїе есть знакъ превосходства онаго, чтобъ быть нечувствительну противъ такой сильной прелести, какова красота, и предпочтить пре-

имущества не столько блистательныя, но гораздо того достойнѣйшія.

Прекрасная особа ласкаемая съ самыхъ пеленъ, съ которой ничего другова не говорили, какъ о ея красотѣ и пріятностяхъ; остается обыкновенно прекраснымъ предметомъ произведеннымъ отъ природы для увеселенія нашихъ глазъ. Безпрестанно упражняясь мысля сама о себѣ, она употребляетъ притворство, коимъ отъ себя болѣе отвращаетъ; иногда снимаютъ зарукавье, чтобъ показать бѣлизну рукѝ; перевязываютъ перло, чтобъ открыть красоту шеи: смѣются, чтобъ дать видѣть бѣлыя зубы; оступаются, снимаютъ мушку, перемѣняютъ поступку каждую минуту, чтобъ поразить людей новымъ чувствомъ удивленія; однако всѣ сіи кривлянья обыкновенно производятъ дѣйствіе со всѣмъ противное ихъ намѣренію. (*)

Такимъ

(*) Имъ стόитъ очень много труда, чтобъ показаться дурнѣе, говоритъ Брюгеръ.

Такимъ то образомъ нѣкоторыя женщины находятъ средство помрачать природу, стараясь чрезмѣрно о умноженїи ея силы: они имѣютъ притворную осанку, притворной голосъ, притворную рѣчь и притворной разумъ, которой затмѣваютъ ихъ собственной.

Разумъ, которой хотятъ имѣть, портитъ тотъ, которой имѣютъ.

Изъ сего тщетнаго труда раждается притворной видъ истребляющей природную красоту. Красавица неимѣющая никакихъ другихъ дарованїй, всегда бываетъ глупа, и почитается на ряду съ самохваломъ.

Напротивъ того тѣ, которыхъ природа лишила красоты, стараются наградить свои недостатки прїобрѣтенїемъ прїятныхъ качествъ; ихъ разумъ будучи не испорченъ ласкательствами, получаетъ проницанїе. Чемъ мысли ихъ простираются далѣе, тѣмъ думаютъ они о себѣ менѣе; слѣдственно меньше имѣютъ

замысловъ, и чрезъ то приносятъ великую пользу въ обществѣ.

Они, не имѣя многихъ требованій, столько не гордятся, и получаютъ пріятныя склонности, которыя дѣлаютъ всѣ ихъ прелести тѣмъ заразительнѣе, чѣмъ меньше они ими гордятся.

Сіи преимущества не токмо награждаютъ несовершенство красоты, но часто ее и превосходятъ. Есть въ нравахъ и склонностяхъ сильныя прелести, наполняющія недостатокъ оныя, но ихъ недостатка красота наполнить не можетъ.

Сіи прелести столькожъ рѣдки какъ и красота, не для того, чтобъ ихъ было мало; ибо натура влїяла въ разумъ и нравъ женщинъ все, что потребно для учиненія общества пріятнымъ; естьли они хотятъ быть любезными и отъ всѣхъ любимыми; то должны слѣдовать естественнымъ склонностямъ. Досадно, что многія изъ нихъ отдалясь отъ сего щастливаго основанія, вырываютъ, такъ сказать, розы, чтобъ на то мѣсто посѣять терніи.

Вь самомъ дѣлѣ, сколько есть женщинъ, что вмѣсто того, чтобъ итти въ ту сторону, куда ихъ влечетъ природа, супротивятся ея намѣренiямъ! Одни вмѣсто кротости, которая есть ихъ жребiй, имѣютъ гордой, и властолюбивой нравъ, приводящей ихъ въ сердце въ самомъ бездѣльномъ спорѣ, и заставляющей ставить свои шутки за законы. Другiя, соединя безстыдство съ величавостiю, презираютъ скромность, какъ подлую добродѣтель, и соединяютъ самыя вольныя поступки съ непостояннымъ видомъ, которой находится въ ихъ взорахъ и движенiяхъ, иныя вмѣсто сей спокойной веселости столь пристойной ихъ полу показываются угрюмыми. Не успѣютъ встать съ постели, какъ жалуются, что все ихъ безпокоитъ и все имъ не сносно, такъ что они жизни своей нерадои, и будучи опредѣлены къ произведенiю въ насъ радости, производятъ печаль и унынiе.

Есть другой родъ своенравiя противной сему послѣднему; сей есть вѣтренныхъ женщинъ, кои почитая

себя выше благопристойностей своего пола, дѣлаютъ всѣ модныя непристойности. Разъѣжжаютъ повсюду, побываютъ разъ двадцать въ рядахъ, здѣлаютъ столько же посѣщенїй въ одинъ день, и не почитаютъ себя живыми, естьли не будутъ на балѣ, на оперѣ или въ многочисленномъ собранїи. Ихъ домы въ нѣкоторыя дни бываютъ всенароднымъ зборищемъ, куда приходятъ всѣ безмозглыя люди нашего пола, по истиннѣ достойныя кругъ ихъ однихъ бѣгать. (*)

Сїи особы извѣстныя подъ имянемъ щеголихъ, кажется приняли за должность порочить свой полъ. Театральныя женщины суть почтенныя примѣры, по которымъ они себя ведутъ; перенимая у нихъ непристойной видъ, осанку, платье, а нѣкоторыя даже до нравовъ.

Всѣ

(*) Есть въ Парижѣ нѣкоторыя такїя домы, которыя можно назвать вольными. Тамъ собираются люди добрыя и худыя. Всякъ кто умѣетъ играть и по модѣ одѣтъ, принятъ туда бываетъ. Когда стараются собрать многочисленное общество, то оно никогда хорошо быть не можетъ.

Всѣ сіи непристойности и множество другихъ, которыя я прощу прекрасному полу, ему не свойственны, они еще и понынѣ не извѣстны въ тѣхъ мѣстахъ, куда роскошь и злой примѣръ не проникнули. Своенравіе есть дщерь праздности и достатка. Женщины, ведущія роскошную и праздную жизнь, должны быть жертвой какого ни будь рода безумія, или оныя поперемѣнно ею обладать будутъ.

Есть изъ нихъ нѣкоторыя, кои принимаютъ сію послѣднюю сторону: сіи суть тѣ непостоянныя, которыхъ склонность есть та, чтобъ не имѣть никакой склонности; они послѣ чрезмѣрной веселости приходятъ въ глубокое молчаніе; и послѣ холодной нечувствительности въ великую живость: что вчера ихъ увеселяло не токмо дѣлается нынѣ имъ несносно, но считаютъ еще, то самое за наказаніе. Таковыя женщины ввергаются изъ крайности въ крайность, и представляютъ перемѣнно всѣ сумозбродства рода человѣческаго.

Перестанемъ далѣе распространять изчисленіе ихъ безпутствъ, меня можетъ чрезъ то станутъ подозрѣвать, что я пишу сатиру на прекрасной полъ; но истинно мое намѣреніе не то. Сей прелестной родъ къ неописанному нещастію имѣетъ силу насъ склонить не только прощать ихъ безразсудныя дѣла, но еще и хвалить ихъ глупости. Правда, что естьли ихъ заблужденіи распространятся до нѣкоторой крайности, то нарушатъ пріятности общества. Тогда красота потеряетъ всѣ свои права. Разумной человѣкъ убѣгаетъ всегда заразительныхъ прелестей, скрывающихъ въ себѣ злыя склонности; онъ знаетъ, что самое жесточайшее невольничество есть любить то, чего почитать неможно.

Но когда пріятности соединены съ преизяществомъ склонностей и оживляемы кроткой веселостью, тогда царство красоты твердо основано. Женщина, соединяющая сіи преимущества, есть украшеніе общества; она дѣлаетъ его щастливымъ. Ибо естьли красота умножаетъ достоинство склонностей, то сіи послѣдніи

нія съ своей стороны придаютъ чертамъ лица новыя прелести; качества душй изображаются на лицѣ и украшаютъ самую красоту.

Я еще повторяю, что кротость и веселость, есть основаніе пріятнаго нрава. Не льзя, чтобъ не понравилась женщина украшенная сими двумя качествами. Кротость привлекаетъ къ ней всѣ сердца, она въ насъ врождается природой, а хорошимъ воспитаніемъ употребляется въ пользу. Женщины пріятными своими поступками царствуютъ надъ нами, и имѣютъ тѣмъ больше власти, чѣмъ менѣе получить ее желаютъ.

Учтивость есть таже кротость, учрежденная чрезъ искусство; она есть знакъ хорошихъ склонностей и занимаетъ мѣсто оныхъ: но естьли сіи внѣшнія поступки не будутъ основаны на чистосердечіи: то скоро окажутъ свое лукавство; тогда сіе будетъ одно лицемѣрство, которымъ долго обманывать не можно.

Тѣже обстоятельства находятся въ веселости; она есть щастливое дѣйствіе разума, которую не должно

почитать за одну сЪ ложнымЪ видомЪ веселія, которой принимаютЪ на себя нѣкоторыя женщины, желая чрезЪ то быть пріятнѣе. Она со всѣмЪ отдалена отЪ сей чрезвычайной радости, коей кокѣтки вдаются безЪ умѣренности, и которую они хотятЪ безпрестанно возобновлять. РазумЪ, имѣющей нужду вЪ безумныхЪ веселіяхЪ для избавленія себя отЪ унынія, находится вЪ слабомЪ состояніи: можно его сравнить сЪ людьми слабаго сложенія, которыя живутЪ только помощію крѣпкихЪ спиртовЪ.

Сіи пресѣкающіяся увеселеніи принадлежатЪ кЪ глупости и своенравію, и по большей части привлекаютЪ за собой смущеніе и невеселость.

Хотя постоянное веселіе не столько плѣняетЪ чувства, какЪ чрезвычайное; однако оно соблюдаетЪ всегда равенство, и есть знакЪ порядочнаго ума и спокойнаго сéрдца. Сей пріятной и веселой видЪ не находится обыкновенно тамЪ, гдѣ царствуетЪ порокЪ и гнѣвЪ: страсти терзающія сердце имѣютЪ ихЪ подобныя безпорядочныя изображеніи.

Сїе равенство покажется весьма подло женщинамъ, непрїятельницамъ спокойствїя. Они его порочатъ такъ какъ знакъ посредственнаго разума. Привыкши къ пылкой живости возбуждаемой страстями, они почитали скромную женщину за нечувствительную, и неспособную къ увеселенїю общества. Въ самомъ дѣлѣ къ чему тамъ потребна женщина, которая не поноситъ своихъ друзей, и не умѣетъ зачинать сто рѣчей, которыхъ непристойность скрываютъ они подъ опахаломъ. Женщина, незаимствующая ничего отъ злобы и роскоши, есть младенецъ, которой ничего важнаго здѣлать не можетъ въ такомъ обществѣ, гдѣ все посвѣщено безумному желанїю забавы.

Не стали бы такъ разсуждать, естьлибъ прилѣжно разсмотрѣли, сколько надобно разума, чтобъ весть съ прїятностью разговоръ безъ помощи язвительныхъ или нескромныхъ рѣчей. Нынѣ много употребляютъ сїю вольность, которая разрушаетъ благо-

пристойность и почтенїе, коими мы другъ къ другу взаимно обязаны. Большая часть сихъ острыхъ словъ, побуждающихъ къ смѣху одолжены почитающими ихъ похвалами, развращенїю и злобѣ слышателей.

Достойная женщина закраснѣлась бы, будучи похвалена за сїю цѣну; она не можетъ жертвовать цѣломудрїемъ или дружбою глупому тщеславїю, выговорить епиграмму. Ищущая помощи въ сихъ безчестныхъ средствахъ чувствуетъ свою слабость. Не трудно отличить себя, естьли не захочешь почтить ни славы ближняго ни честныхъ нравовъ.

ГЛАВА VIII.

О истинной и ложной любви.

Любовь имѣетъ тѣже обстоятельства, что и славолюбїе: то и другое приводятъ къ самымъ великимъ вещамъ. Любовь есть порокъ у однихъ развращенныхъ людей, а разумныя почи-

почитают ее за огонь, производящей здравой и вредительной запах в разсуждении естества матерїи, которую он сожигает. В порочных сердцах она есть причина безпорядков: но напротив того очищается в великих душах, и побуждает их к самым великодушным дѣйствїям.

Надобно от любви всего опасаться, или всего надѣяться. Главнѣйшее дѣло состоит в избранїи предмета для оной, которому обыкновенно стараются повиноваться. Сїе избранїе есть самой великой важности для женщин, их сердце от природы так склонно к любви, что обыкновенно они любят прежде нежели знают кого любить должны.

С самых тѣх пор, как зачнет знать себя молодая дѣвица, ощущает в сердцѣ своем нѣжную любовь, которая требует только предмета, к коему бы она могла прилѣпиться; она в самых младых лѣтах оказывает весьма нѣжное и страстное дружество, и всѣ сїи склонности и движенїи сердца, которыя обыкновен-

обыкновенно примѣчаются между дѣвицами, приходящими въ возрастъ.

Потомъ когда узнаютъ свѣтъ, то простираютъ любопытныя свои взоры на все, что ихъ окружаетъ; почтенїе, оказываемое имъ отъ мущинъ, и чувствуемое ими отъ того увеселенїе, открываетъ въ нихъ мысли, кои имъ были непонятны; и ихъ сердце скоро предается тому, кто для нихъ кажется прїятнѣе другихъ.

Таковымъ почитается тотъ, кто показываетъ себя услужнѣе и усерднѣе. При женщинахъ такъ какъ и при дворахъ, не всегда награждается самой достойнѣйшей, но тотъ, кто больше другихъ льститъ и чаще въ глазахъ находится: качества, которыя не всегда бываютъ сопряжены съ истиннымъ достойнствомъ! но въ недостаткѣ оныхъ часто бываютъ худо приняты отъ женщинъ и отъ знатныхъ.

Столь лехко оказываемое предпочтенїе подвергаетъ женщинъ жестокимъ ошибкамъ. Люди наименѣе достойныя ихъ любви показываются самыми покорнѣйшими и усерднѣйшими

имъ

имъ угождать; они вкрадываются оказыванїемъ преданности, и дѣлаются повелителями ихъ любовницъ. Но тѣмъ не довольствуясь, становятся иногда ихъ тиранами, и заставляютъ стенать тѣхъ, которымъ клялись неограниченной вѣрностью. Вѣроломство слѣдуетъ обыкновенно за хитростїю и прельщенїемъ.

Женщинамъ надобно перестать жаловаться на непостоянство и злобу мужей. Въ этомъ ихъ вина, естьли они впадаютъ въ простертыя для нихъ коварныя сѣти. Есть безъ сомнѣнїя обманчивыя и вѣроломныя люди, которыхъ суетность привлекаетъ къ женщинамъ, и которыя употребляютъ къ прельщенїю и обману всѣ возможныя способы; но ихъ не трудно узнать. Подлыя почтенїи и чрезмѣрныя ласканьи, коими они стараются угодить, довольны, чтобъ ихъ привесть въ подозрѣнїе и склонить женщинъ, не вѣрить ихъ клятвамъ.

Сїи подлыя клятвы, отъ которыхъ женщины должны опасаться обману, есть точно то самое, что ихъ привлекаетъ къ вѣроятїю, и дѣлаетъ

етъ жертвами непостоянства и клятвопреступленія. Достойное наказаніе лехкомысленности, привлекающей ихъ взоры на весьма маловажныя качества. Ихъ красота собираетъ толпы глупыхъ людей, старающихся ихъ обманывать: какая нибудь пріятность въ лицѣ, вѣтреныя поступки, безпрестанное болтанье занимаютъ мѣсто добродѣтелей при женщинахъ, любящихъ находить свое подобіе въ своихъ любовникахъ и не перестающихъ любить себя въ лицѣ своихъ почитателей.

Что же такое въ самомъ дѣлѣ эти люди, которыя, какъ они говорятъ между собою, съ ума сводятъ женщинъ? Сіи гордыя побѣдители прекраснаго пола почти всегда бываютъ простяками изъ нашего и причиной всегдашняго между нами посмѣянія. Они только умѣютъ показывать великолѣпныя платья, притворныя поведеніи, но не имѣютъ иногда и столько разума, чтобъ перемѣнить свои дурацкія рѣчи, кои они другъ у друга перенимаютъ. Присовокупите къ сему глупому виду нѣсколько пріятныхъ

ныхЪ шутокЪ, подлыя и дерзскія поступки, выдуманное щастіе, и совершенную безразсудность; вотЪ что вЪ собраніи женщинЪ называется прекраснымЪ молодцомЪ, которой можетЪ быть со всѣмЪ не похожЪ на учтиваго и знающаго свѣтЪ человѣка.

Сіи прилѣжныя посѣщатели женщинЪ ввели вЪ привычку сію мнимую любовь, весьма сходственную сЪ притворностью и безуміемЪ. СЪ тѣхЪ порЪ, какЪ она заступила мѣсто истинной любви, обхожденіе между обѣими полами зделалось гораздо вольняе и не столь стало важно какЪ было прежде. Потому что вЪ немЪ любовныя словà и прочія ничего не значащія вздоры здѣлались самымЪ лутчимЪ и употребительнымЪ разговоромЪ. Великодушная любовь женщинЪ перемѣнилась вЪ непостоянной вкусЪ всего пóла, и изъясненіе сéрдца всегда будучи обoрачиваемо вЪ смѣхЪ здѣлалось истолкованіемЪ кокѣтства и тщеславія.

Я не знаю много ли отЪ того пріобрѣли увеселенія, но утверждаю, что сердце вЪ томЪ много потеряло. Всѣ сіи нѣжныя увѣреніи, которыми столь

щедро

щедро надѣляютъ прекрасной полъ, не принадлежатъ къ склонности. Очень видно, что сія жертва, приносимая столь глупо женщинамъ отъ мущинъ, кои о нихъ не думаютъ и смѣшныя движенія, коими первыя имъ соотвѣтствуютъ, есть только одна игра, гдѣ другъ у друга учатся обманывать.

Правда, что среди сего общаго вкуса къ ложной любви дѣлаются отмѣнныя обязательства, кои называютъ дѣлами, касающимися сéрдца. Но много ли такихъ обязательствъ, въ которыхъ сердце истинное беретъ участіе? Чрезмѣрная скорость, съ которой они раждаются и изчезаютъ, мнѣ кажется показызаетъ со всѣмъ тому противное; сіи слабыя узы, которыя скрепляетъ на нѣкоторое время одна склонность къ увеселенію, скоро разрушаются своенравіемъ.

Сіи столь ломкія и тлѣнныя оковы весьма довольны для женщинъ, которыя больше любопытны къ выраженіямъ, нежели къ истинной склонности: и сіи только одни приличны людямъ страждущимъ отъ припад-

ковъ

ковъ пылкаго воображенія. Одни и другія всегда питаясь обманчивыми утѣхами роскоши, не могутъ чувствовать утѣхъ сердца.

Сердце сотворено для любви, нѣтъ тамъ чувствительнаго увеселенія, гдѣ оно не имѣетъ участія. Такимъ образомъ любовь есть одна изъ сихъ пріятныхъ движеній, которыя могутъ ему полюбиться. Но естьли она только простирается на страстныя чувствованіи, причиняемыя красотой, тогда бываетъ одна изъ сихъ безумныхъ страстей, кои почти со всѣмъ не трогаютъ сердца. Когда чувства говорятъ столь громко, тогда она умолкаетъ; и кто въ любви ищетъ одного услажденія своихъ чувствъ, тотъ не можетъ сохранить оной.

Здѣсь я не намѣренъ предписывать правила Платонической любви, которую очень справедливо осмѣяли. Любовь не можетъ терпѣть принужденія. Главное оной свойство есть склонность. Пламень ее скоро утухнетъ, естьли не будетъ питаемъ приманчивостью утѣхъ.

Не

Не надобно того таить, пусть меня за то почтутъ человѣкомъ старинпаго времяни. Всѣ сїи обязательства гдѣ должность и вкусъ другъ другу супротивятся, есть родъ не обузданныхъ желанїй. Никогда не хотятъ учинить безчестнымъ то, что любятъ: а еще менѣе ищутъ испортя сердце, испортить умъ; однако сїя есть обыкновенная дорóга нашихъ щастливцовъ, кои не удовольствовавшись ввергнувъ женщину во всѣ безпутства, хотятъ еще оныя оправдать уничтожая справедливыя мнѣнїи, называя ихъ безпокойными предразсужденїями. Для согласїя нравовъ любозника съ любовницей необходимо надобно, чтобъ они оба свергли съ себя иго истинны и цѣломудрїя. (*)

Сїе не можно почéсть за разсужденїи, произходящїя отъ худаго нрава и злости. Ничто въ нынѣшнее время такъ не

(*) Многїя женщины впали въ великїя пороки отъ чтенїя худыхъ книгъ, которыя были писаны противъ сихъ добродѣтелей.

не обыкновенно, какъ сіи ласковыя люди, которыя вкрадываясь къ жен-щинамъ подъ видомъ учтивости и просвѣщеннаго разума, стараются по-бѣдить ихъ сомнѣнія, и истребить въ нихъ послѣднюю искру честныхъ нравовъ. Не премѣнно нужно предо-стерегать себя противъ нападеній сихъ соблазнителей, тѣмъ наипаче, что они лехко вѣрятъ мнѣніямъ тѣхъ, которыя нашли способъ ихъ тронуть, и что ихъ умъ соотвѣтствуетъ склонностямъ ихъ сердца.

Вотъ что такое есть любовь, и что она производитъ, когда жертвуютъ одной роскоши. Сколь прекрасно и сколь лестно ее ни изображаютъ въ стихахъ и въ прозѣ, однако всѣ сіи любви столь многими стихотворцами пѣтыя, есть почти всегда *скрытой порокъ*. Они могутъ на нѣкоторое время произвесть страстныя желанія и сладчайшія восхищенія; но все сіе маловременно и пребываетъ до тѣхъ только поръ, покамѣстъ продолжится смущеніе чувствъ. Самая горчайшая печаль послѣдуетъ сему краткому прельщенію воображенія.

Словомъ

Словомъ сказать, любовь несопряженная ни съ какой другой склонностью, есть не что иное, какъ пылкой огонь, погасающей тотъ же часъ, какъ привыкнутъ къ предмету его произведшему. Она тогда только истинно обладаетъ душею, когда соединена съ гораздо постояннѣйшею склонностью. Любовь сама разрушается и изчезаетъ, естьли не будетъ подкрѣпляема нѣжною прїязнїю, которую ощущаютъ одни правыя и добродѣтельныя сердца, и которую роскошь и сластолюбїе истребляютъ, употребляя вмѣсто ее кокѣтство, оставляющее всегда сердце пусто.

Для зделанїя любви постоянною и продолжительною, надлежитъ наблюдать, чтобъ она весьма тѣсно была сопряжена съ дружбою. Сїи двѣ соединенныя склонности утверждаютъ и укрѣпляютъ другъ друга взаимными силами. Любовь симъ союзомъ дѣлается гораздо непоколебимѣе, а дружба гораздо нѣжнѣе, и ихъ дѣйствїи, очищаясь другъ чрезъ друга, становятся несравненно сильнѣйшими.

Сопряже-

Сопряженіе сихъ двухъ склонностей, вмѣсто того, чтобъ развращать сердце, приводитъ оное въ лучшее состояніе. Тогда любящіяся бываютъ друзьями, наполненными одинъ къ другому усердіемъ и почитаніемъ. Они мыслятъ оба одно, чувствуютъ и изъясняются единодушно, и боятся одной только разлуки. Будучи совсѣмъ отдаленны отъ подозрѣнія, не избѣгаютъ оковъ, которыхъ розорвать не могутъ. Они готовы предаться одинъ другому, и предаться еще болѣе, нежели могутъ.

Такая любовь есть не безумное увеселеніе, коей слѣдуютъ отъ праздности, или отъ тщеславія. Она наполняетъ и обемлетъ всѣ чувства. Умъ, сердце, память, воображеніе, все ею пріятно питается. Отдать свое сердце нѣжной женщинѣ, которая тебѣ сама вся отдается, есть вложить свою душу въ другова человѣка; но только належитъ осторожно разсматривать божество, коему приносятъ такую жертву.

ГЛАВА IX.

О бракѣ.

„*Вездѣ, гдѣ есть человѣкъ, жен-*
„*щина и пропитанїе, дѣлает-*
„*ся бракъ*„, говоритъ Авторъ книги, называемой: *Сила законовъ*. Въ самомъ дѣлѣ любовь привлекаетъ людей непреодолимою силою къ прекрасному полу, которой смотритъ съ радостїю на силу своихъ прелестей, а разумная любовь не можетъ инымъ окончатся, какъ чрезъ твердой и постоянной союзъ. Одно должно непремѣнно приводить къ другому.

Мы привлекаемся къ сему прелестному союзу. Онъ есть узы, противъ которыхъ мы не можемъ противиться безъ безумїя. Что надлежитъ думать о сихъ сумозбродныхъ людяхъ, кои, будучи явныя непрїятели брака, ставятъ себѣ въ честь его осмѣхать? Къ чему служитъ имъ сїя вольность, которою они столь много хвалятся? Она для нихъ бремя гораздо тягостнѣйшее обязательства ими избѣгаемаго, и ихъ столь сильно без-

безпокоитъ, что рано, или поздо они сю жертвуютъ самымъ презрительнымъ предметамъ.

Люди препроводившїя свою первую молодость въ невоздержанїи и роскоши, обременяютъ весь полъ пороками нѣкоторыхъ безчестныхъ женщинъ, съ коими они обходились, и равно о всѣхъ разсуждаютъ съ поношенїемъ; отъ чего происходятъ сїи язвительныя рѣчи противъ тѣхъ, которыя, не взирая на то, ихъ столько почитаютъ, что соглашаются съ ними соединиться. Говорятъ о бракѣ, такъ какъ бы невѣрность и измѣна съ нимъ были неразлучны. Рѣчь, довольно изъясняющая совершенное развращенїе того, кто оную произноситъ; нынѣ и стала обыкновенною матерїя, о которой всѣ вѣтренныя люди истощаютъ свои глупыя насмѣшки. Кажется, что они зговорились изтребить со всѣмъ законное рожденїе, порока самой прїятнѣйшей союзъ.

Естьлибъ сїи люди имѣли совершенное отвращенїе къ женщинамъ, и убѣгали бы ихъ обхожденїя: то бы они были достойны одного только со-

жаленія, что чрезъ то лишатся наилучшихъ забавъ въ обществѣ: но они принуждаютъ себя ненавидѣть, прилѣпляясь къ стопамъ женщинъ, ими презираемыхъ (*), и питаясь любовною страстью, которая покрываетъ стыдомъ ихъ самихъ и то, что они любятъ. Всѣ смѣются раззорительному невольничеству, къ которому ихъ приводитъ во всю ихъ жизнь женщина, отброшенная отъ общества. Сїе есть отмщенїе за прекрасной полъ; ибо надобно, какимъ бы то образомъ ни было, жить подъ закономъ женщинъ, которыхъ поносятъ и обожаютъ, такъ лучше оной получить отъ добродѣтельной супруги, нежели отъ непостоянной любовницы.

Люди всегда сами съ собою не согласны. Они всѣ съ великимъ стремленїемъ слѣдуютъ любви. То слѣдственно,

(*) Сїи господа дѣлаютъ противное Лизерїусу. Они проповѣдуя цѣломудрїе, волочатся за всѣми женщинами. А Лизерїусъ проповѣдывалъ многоженство, которое привлекло ему опасныя слѣдствїи, а самъ при себѣ жены никогда не имѣлъ, да былъ и не въ состоянїи оную имѣть.

ственно, когда искомая ими любовь приносить какое ни будь нѣжное увеселенїе: то супружеское дружество, отъ котораго многїя люди удаляются, должно представить имъ несравненно сладчайшїя и прїятнѣйшїя утѣхи. Любовь къ любовницѣ, есть почти всегда источникъ расказовъ и льсти, и не приноситъ ничего похвальнаго; но та, которую чувствуютъ къ женѣ, бываетъ причиною великихъ и прїятныхъ качествъ, и всегда согласуется съ честїю и добродѣтелїю. Первая есть жаръ страждущаго, а послѣдняя умѣренной пламень совершенно здороваго человѣка.

Можно причесть то въ похвалу женщинъ, что они въ семъ случаѣ не столько неосновательны, какъ мы, и оказываютъ болѣе смѣлости; хотя нѣкоторой родъ повиновенїя неразлучнаго съ бракомъ, дѣлаетъ его для нихъ бѣдственнѣе.

Они всегда склонны отдатся тому, кого любятъ. Не очень нужно склонять прекрасной полъ къ сему союзу. Уединенїе ли, къ коему обыкновенїе осуждаетъ дѣвицъ, имъ устрашаетъ,

или пріятная склонность имъ говорить въ нашу пользу: только всѣ сіи малодыя особы здаются, закраснѣвшись, на предложеніе о замужствѣ. Но не всѣ равно умѣютъ принять справедливыя мѣры, чтобъ быть долгое время щастливыми и любимыми отъ супруговъ.

Двѣ вещи споспѣшествуютъ къ зделанію брака щастливымъ: выборъ жениховъ и невѣстъ, и поведеніе, которое они сообщась, имѣть будутъ.

Что касается до выбору, то оной не всегда зависитъ отъ жениха и невѣсты. Дѣвица какъ скоро начнетъ смотрѣть на свѣтъ: то становится подвержена обману веселаго и остраго внѣшняго вида. Она отдала бы свое сердце самому недостойнѣйшему онымъ владѣть, естьлибъ недостатокъ ея искусства не награждался искусствомъ ея родителей. Къ ихъ щастію, оныя выбираютъ предметъ, къ которому они правильно могутъ прилѣпиться; и ея сердце не должно никогда говорить прежде ихъ.

Скажутъ,

Скажутъ, что такой законъ весьма строгъ для сердца, чтобъ покорить свои склонности волѣ и выбору другихъ.

Чтобъ о томъ инымъ образомъ разсудить, надлежитъ только вообразить себѣ нещастїи, послѣдующїя уничтоженїю сего закона. Онъ есть единственное средство къ отвращенїю обмана; и полезная суровость, которая старается избавить безразсудную молодость отъ совершенной пагубы.

Впрочемъ, какъ разумныя родители не опредѣляютъ сердца своей дочери безъ ея соизволенїя: то сїе соизволенїе, будучи согласно съ ихъ, утверждаетъ пользу выбора. Родители требуютъ отъ жениха богатства и чести; что необходимо нужно, для здѣланїя брака, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ честнымъ и спокойнымъ. Молодая дѣвица желаетъ прїятностей и угожденїй: качества очень способныя учинить сей союзъ любезнымъ. Сїи требованїи, непрепятствующїя другъ другу, равно споспѣшествуютъ къ щастїю супру-

 говъ;

говъ; и соединенїе сихъ пользъ умножаетъ щастїе брака.

Въ чьихъ бы рукахъ ни было сїе важное разсмотренїе, избранїе друга и неразлучнаго сообщника должно дѣлать съ великою прилѣжностїю, и не заключать, по сребролюбїю, или легкомысленности. Есть чрезмѣрно много женщинъ стенящихъ отъ невольничества безчестныхъ людей, которыхъ ослѣпило ихъ богатство; равномѣрножъ безчисленное множество другихъ гнушаются безумною любовїю, соединившею ихъ съ такими людьми, которыя хуже самыхъ слабыхъ женщинъ, и со всѣмъ не могутъ быть подпорой своей фамилїи.

Тщетно двое другъ другомъ страстно воспламененныя льстятся купно вкушать долгое благополучїе, естьли они недостаточны въ прїятностяхъ и богатствѣ. Ибо оныя суть такїя преимущества, которыхъ не должно единственно искать: но не должно жъ совершенно о оныхъ не рачить. Но есть еще гораздо важнѣйшїя имѣющїя ближайшее соединенїе съ благополучїемъ: склонность и нравы должны

жны болѣе всего быть разсуждаемы. Сіе въ человѣкѣ первая пріятность и истинное его достоинство, дѣлающее его отмѣннымъ въ свѣтскомъ обхожденіи, которое простирается и на жену. Ей скоро наскучитъ мужъ, въ коемъ она находитъ одну нѣжность лица, пустыя разказы, и только одно то, что она видитъ въ обыкновенныхъ людяхъ своего пола.

Отъ того, что превозносятся ложнымъ достоинствомъ, столько находится недовольныхъ мужей и женъ. Резумная женщина скоро придетъ въ скуку съ глупымъ красавцемъ. Одна жалуется на мужа, что онъ столько жъ вѣтренъ и легкомысленъ, какъ она: другая, отличенная золотыми цепями, очень богата и очень нещастлива. Но естьли неосторожность ихъ выбора погрузила ихъ въ скуку: то часть горестей, на которыя они жалуются, можетъ причтена быть способу обхожденія ихъ съ мужемъ, которой начинаетъ имъ скучить.

Первой законъ, коему должны повиноваться супруги, состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать никакого раз-

смотренія, и не имѣть сожалѣнія, по заключеніи брака. Правда, что не можно довольно разсмотрѣть заранье качества человѣка, съ которымъ на вѣкъ соединяются: но по совершеніи, не можно имѣть довольно снисхожденія одному къ другому. Естьли найдутся недостатки, коихъ прежде не разсмотрѣли, найдутся такъ же и хорошія качества, которыхъ они до того не примѣтили. Нѣтъ ничего совершеннаго въ человѣчествѣ; слушая всегда слѣпой любви, и льстя себя состоящими въ воображеніи выгодами, любящіяся ставши супругами, находятся иногда въ смущеніи.

Главнѣйшей порокъ любовниковъ состоитъ въ томъ, что они почитаютъ любезную имъ особу за божество, неимѣющее по мнѣнію ихъ, никакого несовершенства. Сіи новыя Пигмаліоны представляютъ въ своемъ воображеніи предметъ, съ которымъ ее сравниваютъ: но потомъ усмотря, какое нибудь несходство съ выдуманнымъ предметомъ, коимъ они вспламенились: они о томъ сокрушаются и жалуются на ту, которая ихъ плѣнила; однако

ко она все таже, и часто одни слабости свойственныя человѣческой природѣ дѣлаютъ всю ея вину.

Сія надежда мнимаго щастія истребляется другимъ предметомъ, на которой женщины ропщутъ несправедливо. Они хотятъ, чтобъ сія любовь не уменьшала жару первыхъ минутъ, и жалуются, что ихъ мужья не столько ихъ любятъ, когда пресѣкутся сіи восхищеніи. Вредное дѣйствіе нескромной горячности мужей, которыя оказываютъ своимъ новымъ супругамъ чрезмѣрную любовь, коя не можетъ утвердиться всегда въ одной степени! Женщина привыкши къ лестнымъ прельщеніямъ весьма жестокой страсти, хочетъ здѣлать сіе восхищеніе вѣчнымъ, и не можетъ терпѣть спокойства, ей послѣдующаго.

Однако должно непремѣнно прибѣгать къ сему спокойству. Все, что можно только щастливѣйшаго желать, есть не что другое, какъ умѣренное движеніе нѣжнаго дружества. Оно можетъ основать непоколебимое щастіе, и не страшится времени, разрушителя любви. Оно утверждается и

и восходитъ до самаго совершенства между супругами, другъ друга почитающими, и старающимися другъ другу угодить. Ничто не сравнительно съ ихъ состоянїемъ, кое вдругъ представляетъ увеселенїе чувствъ и разума, и собираетъ всѣ прїятности жизни.

Надобно конечно имѣть великїя помощи въ душѣ, чтобъ содержать сїе дружество всегда непремѣнно, и здѣлать обхожденїе нужнымъ и полезнымъ, по многолѣтной привычкѣ. Но и умъ созрѣвая, получаетъ, естьли такъ можно выговорить, твердость, которая дѣлаетъ его способнымъ въ чемъ нибудь утвердиться. Въ молодыхъ лѣтахъ разумъ женщинъ имѣетъ непостоянство, отвлекающее ихъ отъ одного предмета къ другому. И въ то только время, когда они низвергаютъ съ себя тщеславїе своей первой молодости, приходятъ они въ состоянїе вкусить сладчайшее увеселенїе, быть одной съ тѣмъ, кого любятъ.

Бракъ есть обязательство, дѣлающееся безъ великаго труда. Но чтобъ снести всѣ тягости онаго и исполнять

нять достойнымъ образомъ всѣ должности во всю свою жизнь; то надобно къ тому может быть не менѣе добродѣтели, какъ къ исполненїю самыхъ важныхъ и великихъ дѣлъ. Самыя великїя люди представляютъ намъ достойныя примѣчанїя, примѣры супружеской любви: *Пенелопа*, *Андромаха*, *Персїя*, *Корнелїя*, прославили себя въ семъ родѣ. Артемиза оплакивала всю свою жизнь супруга, котораго пепелъ хотѣла она мѣшать въ свое питье. *Маркъ Аврелїй* и *Цесарь* (*) страстно любили своихъ супругъ; а Плинїй писалъ къ теткѣ своей жены (**) „*Мы „насъ благодаримъ: я за то, что она „моя жена; а она за то что я „мужъ ея; а оба, что мы соединили „двухъ человѣкъ, рожденныхъ „одинъ для другаго*„.

(*) Юлїй Цесарь столь много любилъ свою первую жену, что хотѣлъ противъ уставленнаго обыкновенїя говорить самъ ей надгробную рѣчь. Видно, что онъ больше думалъ о Риторикѣ, нежель о своей женѣ.

(**) Книга IV. письмо XIX.

Всѣ сїи супруги были украшены преизящнымъ нравомъ, и силою разума гораздо нѣжнѣйшею, нежели думаютъ, для содержанїя спокойства. Сообщенїе мыслей и смѣшенїе пользъ причиняютъ часто раздоры, естьли одинъ другова не умѣетъ искусно приводить къ должности. Вѣтреныя люди, будучи не способны себѣ уступать, хотятъ, чтобъ всю почитали то за законъ, что имъ ни придетъ въ голову; спорятъ за пустое, и раждаютъ между собою тысячи ссоръ, которыя нечувствительно разрушаютъ ихъ союзъ. Такимъ образомъ рѣдко видны свадьбы, гдѣ бы не было какого нибудь недостатка, въ разсужденїи нравовъ и согласїя.

Должно менѣе тому дивиться, естьли разсмотрѣть несходство, находящееся между поступками любовника и супруга. Кажется, что люди ищутъ другъ друга обманывать: они остерегаются съ великимъ тщанїемъ, и предупреждаютъ себя въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ, прежде сочетанїя; любовница здѣлавшись женою, вмѣсто того, чтобъ стараться здѣ-

латься

латься пріятнѣе, нимало о томъ не думаетъ, и презираетъ дарованіи, которыми она была украшена; любовникъ же, здѣлавшись мужемъ, изчезаетъ и удаляется. Ввергаются въ несносную нечувствительность; и оба подаютъ иногда другъ другу причины ревности, которая поражаетъ любовь смертельными ударами.

Сія есть пучина самая опаснѣйшая для любви. Ничто не отвращаетъ такъ сердца, какъ сей непостоянной видъ нескромнаго кокетства. Сей порокъ обладаетъ многими женщинами нынѣшняго свѣта. Есть изъ нихъ такія, которыя привыкнувъ къ невоздержанію вертопрашной молодости, почитаютъ разумнаго и скромнаго мужа за честнаго управителя. Они его ставятъ всегда щастливымъ тѣмъ, что онъ снабдѣваетъ на росходъ ихъ забавъ, къ которымъ они его не принимаютъ. Трудно здѣлать, чтобъ горячность неразлучная отъ любви, тѣмъ была не тронута: однако надлежитъ отличать сіи справедливыя безпокойства съ плачевными дѣйствіями ревности, смущающей добродѣтель.

Всѣ сїи нещастїи и множество другихъ, ежедневно умножающихся, не суть необходимыя по лѣдствїи брака, но токмо безумїе нѣкоторыхъ людей, котораго не должно простирать на всѣхъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ не столько есть нещастныхъ браковъ, какъ о томъ думаютъ; и самыя тѣ, которыя за таковыя почитаютъ, имѣютъ свои прїятности. Я увѣренъ, что естьлибъ разводъ былъ у насъ позволенъ: то бы меньше увидѣли разводящихся мужей, нежели злоба нѣкоторыхъ злыхъ ругателей о томъ разглашаетъ. Разводъ былъ дозволенъ въ Римѣ, однако чрезъ цѣлыя пять сотъ лѣтъ не видно было ни одного.

Впрочемъ, естьли есть женщины неспокойнаго нрава, то сыщется еще больше своенравныхъ и несправедливыхъ мужей; и естьли кто станетъ доискиваться причины домовыхъ ссоръ, найдетъ оныхъ очень мало, къ которымъ бы мужья не подали поводу своею неосторожностїю и вспылчивостїю. Прочїя соединяютъ суровость и гнѣвъ съ прерывчивою горяч-

горячностїю, которую разгнѣванная женщина не всегда съ прїятностью принимаетъ. Многїя даютъ примѣръ самаго невоздержнаго и роскошнаго житїя. Есть еще и такїя, кои отказываютъ женамъ въ самыхъ необходимыхъ нуждахъ. Сїи мужья могутъ ли жаловаться, что ихъ жены не имѣютъ безплотнаго естества, и не могутъ терпѣть такой свирѣпой твари, съ которой они сопряжены.

Человѣкъ здраваго разума умѣетъ безъ суровости привесть свою жену къ истиннѣ, естьли она отъ оной удалится. Онъ также не взыскиваетъ на ней нѣкоторыхъ лехкихъ проступковъ, кои онъ почитаетъ за малую дань, избавляющую ея отъ великихъ погрѣшностей. Сїе есть истинная Философїя, кою должны употреблять женатыя люди. Сократъ, женясь на Ксантиппѣ, женщинѣ злаго нрава, не роптал на союзъ супружества. Онъ нѣкогда о немъ говорилъ при многочисленномъ собранїи столь почтительно, и выразилъ всѣ онаго преимущества столь живо, что его

слуша-

слушатели тотъ же годъ всѣ переженились. (*)

Впрочемъ, что ни станутъ говорить ненавистники супружества, но я утверждаю, что естьли есть средство, быть въ свѣтѣ щастливымъ: то сïе должно быть конечно узами удачнаго брака, которой соединяетъ одного съ другимъ болѣе по склонности, нежели по обязательству. Таковыя супруги поступаютъ болѣе по любви, нежели по обыкновенïю. Мужъ вмѣсто того, чтобъ стыдиться, вездѣ быть неразлучно съ своею женою, не находитъ лутчаго общества, какъ съ нею, которое ему приноситъ прïятность и увеселенïе. Жена съ своей стороны находитъ въ разговорахъ ласковаго мужа наставленïе, которое его къ ней горячность дѣлаетъ ей любезнымъ. Она отъ одного его любитъ слушать истинну, кою онъ ей ясно выра-

(*) Я не ожидаю такого успѣха, какой имѣлъ Сократъ. Но естьлибъ хотя одинъ изъ моихъ читателей женился: то я могу сказать, что нещщетно потерялъ свои труды.

выражаетъ, умягчая строгость оной какою нибудь пріятною ласкою. Она всегда хорошо и прилѣжно учится у такова учителя.

Безъ лобзанья любовника, любовница ничего не понимаетъ.

Все воображаетъ супругѣ любезной ей предметъ: ево имя, платье, чинъ все ей воспоминаетъ о томъ, кому она отдала свое сердце. Каждой изъ супруговъ находитъ въ другомъ любовника, совѣтъ и свидѣтеля своихъ поступокъ. Они усугубляютъ свои утѣхи, раздѣляя ихъ другъ съ другомъ, и будучи всегда вмѣстѣ съ нѣжнымъ утѣшителемъ, безъ труда сносятъ малыя огорченіи, сопряженныя съ жизнію человѣческою.

ГЛАВА X.

О воспитаніи дѣтей.

Сколь бы нѣжны ни были попеченіи отца къ дѣтямъ, однако они находятъ въ объятіяхъ матери несравненно большую горячность. Когда сердце

сердце женщины не будетъ подвержено заблужденію страстей; то обращаетъ всю свою любовь къ дѣтямъ, которыя ею увеселяются. Нѣтъ во всей природѣ узъ подобныхъ тѣмъ соединящимъ чадолюбивую мать съ дѣтьми, которыя ей взаимно за то платятъ.

Сїе прїятное владычество, основанное на благодѣянїяхъ и благодарности, составляетъ все благополучїе и славу разумной жены. Вотъ мое украшенїе и уборы, сказала славная мать Гракковъ, показывая своихъ дѣтей, которыхъ она сама обучала! Такїя уборы, опредѣленныя украшать и служить полезно обществу, больше прославляютъ и украшаютъ женщину, нежели драгоцѣнныя камни всего востока.

Жена не должна опасаться, чтобъ должность матери помрачала ея прелести. Они умножаются, изображая свои черты на множествѣ прекрасныхъ дѣтей, которыхъ она всегда около себя видитъ. Ея слова состоятъ въ томъ, когда она окружена сими драгоцѣнными плодами своей любви, коимъ раздѣляетъ она свои ласканьи.

Удиви-

Удивително, что раззорителное предразсужденiе внушило тому противныя мнѣнiи. Стыдятся имѣть много дѣтей, и стараются ихъ отъ себя удалить. Вредной совѣтъ кокетства, сопротивлящейся во всемъ природѣ!

Послѣдствiемъ сей мнимой нѣжности жена одаренная всѣмъ, что можетъ питать ея дѣтей, прибѣгаетъ къ принужденнымъ средствамъ, чтобъ потерять отъ нее требуемое молоко; и лутче хочетъ подвергаться самымъ величайшимъ опасностямъ, нежели исполнять сiю должность. Она опредѣляетъ на свое мѣсто женщину, за нѣкоторую плату, которая не имѣетъ ни сожалѣнiя ни горячности къ неоцѣненному ей поручаемому залогу. Удивително ли, что дѣти столь часто страждутъ отъ худаго надзиранiя людей, которыхъ нанимаютъ за гораздо посредственную цѣну?

Но не одно здравiе бываетъ въ рукахъ кормилицы, которая употребляетъ всегда грубую и нездоровую пищу. Соединенiе, находящееся между тѣломъ и духомъ, должно болѣе

воз-

возбудить страха, въ разсужденіи нрава и склонности. Діодоръ Сицилійской объявляетъ, что Неронова кормилица была весьма склонна къ вину, пороку, бывшему первою причиною свирѣпства сего Цесаря. А кормилица кровожаждущаго Калигулы, говоритъ тотже писатель, мазала свои сосцы кровью. Всегда примѣчали, что нравъ и качества кормилицъ вселяются съ молокомъ въ дѣтей. Отъ того выдумали, что *Ромулъ*, *Телефъ*, *Пелїасъ*, *Егистъ*, были воздоены звѣрьми, которыхъ свойства они въ себѣ имѣли. Мы видимъ ежедневно дѣтей самыхъ честныхъ гражданъ, воспитанныхъ въ младенчествѣ подлыми людьми, у которыхъ они заимствовали всѣ склонности. Не довольно ли сего, чтобъ отвратить матерей, дабы они не подвергали своихъ дѣтей сей опасности?

Я не опишу здѣсь всего, что говорятъ человѣколюбивыя люди о семъ важномъ дѣлѣ. Присовокуплю только то, что младенецъ, воспитанной чужимъ молокомъ, подобенъ дереву, пересаженному въ другую землю.

Весьма опасно, чтобъ они оба не испортились! Природа нигдѣ не положила столь точнѣйшаго сходства, какъ между, сложенiемъ матери и дитяти. (*) Потому что оба чрезъ девять мѣсяцовъ составляли одно тѣло: мать въ сiе время была принуждена кормить дитя собственною своею пищею, не обязана ли ужѐ она еще оное продолжать?

Есть, правда, случай, гдѣ изъ двухъ болѣзней надобно избѣгать злѣйшей, которая есть, кормить: но сiи отмѣнныя случаи весьма рѣдки. Тогда и мать не меньше достойна сожалѣнiя, какъ и младенецъ. Но въ естественномъ состоянiи всякая женщина, которая можетъ родить, имѣетъ силу, и кормить. Собственная ея польза сильно ее къ тому влечетъ. Она награждает-

(*) Сiе разсужденiе доказывается опытомъ, что младенецъ не имѣетъ нужды сосать столь долгое время: шесть мѣсяцовъ матерняго молокà болѣе произведутъ дѣйствiя, нежели цѣлой годъ чужаго. Я видѣлъ такихъ, которыя въ четыре мѣсяца были отняты отъ грудей, безъ всякаго имъ вреда.

граждается за свои попеченiи крѣпкимъ здоровьемъ и скорымъ облехченiемъ болѣзней, сопряженныхъ съ родами. Гораздо бы меньше было обмороковъ головныхъ и прочихъ припадковъ, естьлибъ больше было кормилицъ.

Но оставя госпожъ увеселяться показыванiемъ своихъ прiятностей, которыя имъ хотя даны не для одного тщетнаго великолѣпiя: по крайней мѣрѣ станемъ ихъ побуждать, чтобъ они здѣлались достойными имени матери попеченiями, которыя младенцу болѣе нужны нежели рожденiе. Послѣднее есть послѣдствiе человѣческаго естества и весьма малодостойно примѣчанiя: но преподаваемое дѣтямъ воспитанiе, есть дѣйствiе разсужденiя и добродѣтели. Что надлежитъ думать о матери, которая не успѣетъ еще разрѣшиться отъ бремяни, какъ старается отдалить его отъ себя, такъ что дѣти привыкнутъ къ мамкамъ и кормилицамъ? болѣе любятъ ихъ, нежели матерей.

Ничѣмъ не льзя извинить сего удивительнаго равнодушiя. Самое благороднѣй-

роднѣйшее упраженiе матери состоитъ въ томъ, чтобъ заранье исправить разумъ и сердце своихъ дѣтей, они отъ нее должны получить первыя наставленiи: отъ сего перваго ученiя зависитъ судьбина сихъ произрастающихъ древесъ; и все, что вкореняется въ разумъ въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ, ничемъ загладиться не можетъ. Какъ можно положиться въ столь важномъ дѣлѣ на нерадительныхъ, трубыхъ а иногда и порочныхъ слугъ? Одно только чрезмѣрное самолюбiе затворяетъ глаза, и не допускаетъ предвидѣть слѣдствiй, столь безразсудной новѣренности.

Свѣтскiя женщины, для сохраненiя права матерней любви, имѣютъ тысячи причинъ таковыхъ же безумныхъ каковы они сами, къ уничтоженiю сей надобности. Нѣтъ ни одной, которой бы они не представили, для произведенiя ихъ въ дѣйство и для отдаленiя отъ себя дочери. Оное есть опасность худаго примѣра: Въ самомъ дѣлѣ, когда разсмотрѣть родъ воспитанiя, которое получаютъ

 дочери

дочери отъ подобныхъ матерей, то увидимъ, что непорочность ихъ подвержена великой опасности. То, что иногда называютъ прекраснымъ воспитанїемъ, бываетъ часто различно отъ онаго, и приготовляетъ молодаго человѣка къ скорому паденїю.

Кажется, что всѣ правила воспитанїя клонятся къ тому, чтобъ научить дѣвицу вредному искусству угождать. Ее не успѣютъ еще отнять отъ грудей, какъ съ нею станутъ разговарить о прїятностяхъ и уборахъ. Вручаютъ ее танцмейстеру, которой учитъ ее притворно носить голову, подымать груди, и проворно оборачиваться. Другой станетъ исправлять ее голосъ, и заставлять повторять вздорныя и скучныя арїи. Ей безпрестанно твердятъ, что по однимъ прїятнымъ поступкамъ и внѣшнимъ прелестямъ будутъ разсуждать о ее достоинствѣ въ обществѣ. Она никогда не слышитъ ни слова о хорошихъ склонностяхъ, о разсужденїи и о остротѣ разума. Что жъ отъ того проис-

происходитъ? Маленькая дѣвочка затвердитъ это скоро въ своемъ умѣ, стоитъ и ходитъ очень прямо, поетъ, кривляется и дѣлается маленькою пригожею куколкою, имѣя умъ набитъ вздорами.

Стараются здѣлать искусными: поступки и движенїи тѣла; безспорно, что красота есть дѣло самое главнѣйшее, и имѣетъ нѣкоторую нужду въ помощи. Худо только то, что стараются единственно исправить станъ, голосъ и поступку дѣвицы, и весьма мало пекутся о ея разумѣ, хотя онъ имѣетъ болѣе нужды въ исправленїи, нежели тѣло. Когда упражняются только въ послѣднемъ, умъ остается безплоднымъ; и въ разсужденїи преимущества, которое даютъ тому, или другому, тѣло изображаетъ качества души, или оную влечетъ къ своимъ склонностямъ. Мать, думая во всю свою жизнь о своей красотѣ, довольна тѣмъ, что имѣетъ дочь, себѣ подобную. Она не имѣетъ другаго намѣренїя, какъ видѣть ее прекрасною: такимъ-то

образомъ переходитъ отъ матери къ дочери многоплодной родъ кокѣтокъ.

Дѣти обыкновенно бываютъ таковы, каковы ихъ родители. Отцы и матери суть примѣры, которымъ почтенїе и привычка заставляютъ подражать. Оной служитъ весьма сильнымъ наставленїемъ; не вѣроятно сколь великое дѣйствїе ссоры и несогласїй между супруговъ, производятъ въ умѣ молодыхъ дѣтей, которыя всѣ примѣчаютъ больше, нежели о томъ думаютъ. разумъ ихъ будучи недостаточенъ мыслями, перенимаетъ все, что онъ видитъ. Великїя непорядки, коимъ они бываютъ свидѣтели, оставляютъ въ немъ глубокїе слѣды, кои возобновляются, когда они бываютъ въ такомъ же случаѣ. Вообще сказать, люди были бы лутчими, естьлибъ произведшїе ихъ въ свѣтъ, были разумнѣе и больше себя любили.

Но чтобъ мнѣ описать только то, что касается единственно до жен-

женскаго пола, то скажу, что домашніе примѣры тѣмъ больше имѣютъ силы надъ дочерью, чѣмъ менѣе отлучается она отъ своей матери. Свѣтское обхожденіе не можетъ ее испортить; всѣ царствующіе въ немъ безпорядки не возмутъ надъ нею власти, развѣ тогда, естьли ея мать въ оныя вдастся при ея присутствіи. Довольно только того, когда похвалятъ употребленіе пороковъ, которые тогда бываютъ въ модѣ, чтобъ привлечь къ онымъ дѣтей, кои всегда склонны почитать то, что видятъ въ почтеніи у своихъ родителей: склонность *Фаустины* къ гладіаторамъ (*) здѣлала сына ея Императора *Коммода* подлымъ гладіаторомъ.

Разумная и осторожная мать не токмо избѣгаетъ того, чтобъ внушать своимъ дѣтямъ все употребляемыя шалости, но и умѣетъ ихъ безъ строгости отвлечь отъ всего, что не соглашается съ премудростію и

(*) Гладіаторами назывались въ Римѣ люди, которые для увеселенія народа, публично бивались.

разумомъ; она имъ даетъ видѣть свѣтъ съ пользою, показываетъ имъ всѣ безпутства онаго для того, чтобъ они того остерегались, и представляетъ въ своемъ поведенїи то, чему они должны слѣдовать: подобная мать не почитаетъ своихъ дочерей за опасныхъ соперницъ, которыхъ раждающїяся прелести помрачаютъ ея красоту. Она находитъ въ нихъ прїятное сообщество, и радуется всѣмъ ихъ преимуществамъ, кои почитаетъ она за свои собственныя.

ГЛАВА XI.

Женскїя добродѣтели.

Естьли бы женщины столько себя почитали, сколько они стоятъ, то не думали бы о однихъ увеселенїяхъ, не допускающихъ ихъ выттить изъ младенчества. Когда имѣютъ о себѣ столь малое мнѣнїе: то не можно возвысить себя выше степени, въ которой себя сами поставили. Надлежитъ для произведенїя великодушныхъ дѣлъ нѣ-

нѣсколько благороднѣе о себѣ мыслить, и стараться болѣе о распространеніи, нежели о умаленіи предѣловъ своихъ мыслей.

Какъ скоро женщина хочетъ превзойти всѣ малые предметы, ея унижающія, то разумъ ея будетъ имѣть такую же силу, какъ и мужеской. Умъ не имѣетъ пола, не льзя довольно увѣрить женщинъ о сей истиннѣ, чтобъ ихъ отвратить отъ всѣхъ сихъ глупостей, на которыхъ, кажется, они полагаютъ основаніе истиннаго благополучія.

Надобно, чтобъ женщины лучше знали свои права, и производили ихъ въ дѣйство къ нашей и къ ихъ пользѣ; они намъ показали примѣры самыхъ высочайшихъ добродѣтелей; примѣры тѣмъ наипаче сильнѣйшіе, что пріятная склонность заставляетъ насъ онымъ подражать! Мы всегда будемъ таковыми, какими жёны хотятъ насъ здѣлать; въ ихъ власти состоитъ перемѣнить видъ общества, и дать людемъ тотъ образъ, какой они желаютъ.

Самая величайшая и нужнѣйшая изъ ихъ добродѣтелей, и наиболѣе насъ къ нимъ привлекающая, есть цѣломудріе. Сія пріятная добродѣтель столь нужна для ихъ чертъ, лица̀, разума, нрава, что все противно тамъ гдѣ оной нѣтъ. Въ ней состоитъ главная честь женъ, такъ какъ наша въ разумѣ и силѣ.

Неразумные и робкіе люди почтутъ оба сіи совершенства за предразсужденіи воспитанія: но тѣ, которые здравѣе разсуждаютъ, не почитаютъ ихъ за ненужныя учрежденіи; но за пра̀вила, основанныя на природѣ и сложеніи человѣчества. Какъ непремѣнно нужно для совершенства общества людямъ быть снабдѣннымъ храбростью, которая бы могла его защищать съ внѣшней стороны, то не меньше нужно, чтобъ жребій женщинъ содержалъ въ себѣ скромность и воздержаніе, кои одни способны здѣлать сіе общество спокойнымъ и пріятнымъ внутри.

Наши предки, люди не меньше насъ разсудительные, приписывали всѣ

всѣ добродѣтели симъ двумъ главнымъ: храбрости въ мужахъ, и непорочности въ женахъ: всѣ древніе романы основаны на сихъ двухъ качествахъ. Кавалеры тамъ побѣждаютъ ужасныхъ великановъ, напротивъ того ихъ любовницы сопротивляются самымъ жесточайшимъ искушеніямъ. (*) Естьли писаніе есть зеркало нравовъ то нынѣшніе романы конечно не засвидѣтельствуютъ позднымъ вѣкамъ непорочности нашихъ..

Не принадлежитъ до меня говорить о истинной чести мужей; но только однихъ женъ. Опытъ доказываетъ, что справедливо оную положили въ цѣломудріи. Недостатокъ сей добродѣтели помрачаетъ всѣ

(*) Были женщины, которыя соединили въ себѣ сіи оба качества. *Зеновія*, царица Палмирская, гораздо превосходнѣйшая Героинь романовъ, не меньше имѣла храбрости, какъ самые отважнѣйшіе мужи; она предводительствовала арміями и побѣждала самихъ Римлянъ. Здѣсь Гисторія беретъ верьхъ надъ баснословіемъ.

прочїя, которыя суть неразлучныя оной спутники; и въ разсужденїи только ее можно сказать, что жёны лучше или хуже мужей. Когда они одинъ разъ отреклись воздержанїя, перваго достоинства ихъ пола, то нѣтъ ни одного безпутства, коего бы они не учинили. Безстыдная женщина приведетъ въ смущенїе цѣлое государство, такъ какъ простое общество. Такого то состоянїя были женщины, возжегшїя смятенїи *ла Фронды* (*) и Францїя еще съ горестью воспоминаетъ о безчестныхъ хитростяхъ и происках Изабеллы Баварской.

Къ нашему щастїю находится весьма малое число женщинъ, презирающихъ цѣломудрїе, которая, кажется, въ нихъ врождена; они одними только частыми проступками разрушаютъ въ себѣ сїе неоцѣненное дѣй-

(*) Ла Фрондъ называлась сторона, воставшая во Францїи противъ Кардинала Мазарина, которая причинила великїя безпокойства.

дѣйство природы. (*) Таковыя недостойны быть въ числѣ прекраснаго пола, когда ужè отреклись отъ всѣхъ добродѣтелей онаго, и не уступаютъ въ безчинствѣ самымъ наглымъ людямъ нашего.

Уничтожа сїю порочную часть общества, болѣе достойную нашихъ презрѣнїй, нежели почтенїя, подлинно, можно сказать, не льстя женщинамъ, что они имѣютъ лучшее сердце, нежели мущины, и бываютъ нѣжнѣе и жалостливѣе. Я ссылаюсь на больныхъ мужей, которые цѣлые годы были предметомъ попеченїя любезной супруги, которая, можно сказать, живая для него погреблась. Ничто такъ не обыкновенно, какъ видѣть женщинъ, пекущихся и старающихся неусыпно о своихъ сродникахъ и друзьяхъ; напротивъ того люди ограничиваютъ свои старанїи въ преподаванїи нѣкоторыхъ совѣтовъ и краткихъ посѣщенїяхъ.

(*) Должно, говоритъ Г. С. соблюдать непорочность, въ самое то время, когда необходимо надобно ее потерять.

Мы причли къ естеству много такихъ вещей, которыя ему чужды, такъ, что почти никогда имъ предводительствуемы не были: женщины напротивъ того, единственно внемлющія гласъ его, рѣдко отдаляются отъ кроткихъ законовъ, чрезъ него начертанныхъ. Видѣли тому весьма ясной примѣръ въ нещастныя времена, когда свирѣпство ожесточило сердца всего народа. Въ судѣ, на которомъ Кромвель подвергнулъ своего Короля безчестному допросу, женщины, слыша произносимыя ему досадительныя слова, вскричали всѣ: *что онъ Король, и осудить его не можно*; они сильно обличили Кромвеля, и въ такое пришли сожалѣніе, что принуждены были ихъ отдалить. (*)

Сія удивительная чувствительность, находящаяся въ женщинахъ, есть

(*) Одна молодая женщина была столько смѣла, что выстрѣлила съ болкона на Кромвеля изъ пистолета, однако ударъ его миновалъ: она была одна, которая осмѣлилась отмстить за своего Короля, коего хищникъ предъ тѣмъ предалъ смерти-

есть для нихъ и для насъ источникъ нѣжныхъ увеселеній, а иногда и горчайшихъ болѣзней. Склонность есть путевождь во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ; она родится, живетъ и умираетъ съ ними, и производитъ во всѣхъ вѣкахъ сіи пріятныя добродѣтели, которыя дѣлаютъ ихъ намъ любезными, равномѣрно и всѣ пороки, коими мы ихъ укаряемъ. Чѣмъ сердце чувствительнѣе, тѣмъ больше оно склонно, когда его раздражишь къ ревности, досадѣ, и отмщенію: сердечныя раны трудно затворить, и чувствительная женщина помятуетъ во всю свою жизнь учиненную ей язву.

Но какое бы смѣшеніе добра и зла ни полагали въ женщинахъ, однако надлежитъ признаться, что вообще въ ихъ склонностяхъ больше истинны, нежели въ нашихъ, что они болѣе почитаютъ честь, вѣрность и постоянство, и ведутъ жизнь гораздо порядочнѣе, нежели большая часть мужей. Сколько найдется между ими, отличающихся правленіемъ своего дома, воспитаніемъ своихъ

дѣтей и любовїю къ своимъ супругамъ? Но сїи жены не суть изъ числа тщеславныхъ: добродѣтель старается столько себя скрывать, сколько порокъ любитъ себя оказывать.

То, что иногда заставляетъ несправедливо разсуждать о женахъ, есть та самая скромность, которая нѣсколько затмѣваетъ ихъ добродѣтели; но сїя скромность и молчанїе бываютъ иногда самыя высочайшїя добродѣтели. Слава женъ состоитъ въ отдаленїи себя отъ разсужденїи свѣта, что со всѣмъ отмѣнно отъ людей, исполняющихъ открытымъ лицемъ всѣ должности, раздаваемыя имъ отъ страстей на великомъ театрѣ мїра. Женщинамъ надлежитъ представлять за завѣсою: а показаться на театрѣ только тогда, естьли особливыя обстоятельства ихъ къ тому принудятъ, въ такомъ случаѣ они себя прославили, и произвели самыя величайшїя дѣла съ такою славою, какъ самыя славнѣйшїя герои.

Но естьли хотя одинъ родъ достоинства, въ которомъ бы себя женщины

щины не оказали? Свободныя науки требуютъ такъ, какъ своего украшенія великаго числа изъ нихъ, коихъ имяна посвящены безсмертію. Первая Академическая корона была отдана дѣвицѣ *Скудери* (*); а въ девятомъ вѣкѣ прославила себя *Додана* Герцогиня Сепитманіи. Женщины не переродились, есть и между нами многія, [хотя я умалчиваю ихъ имяна] которыя своими успѣхами довольно себя прославили, и обще съ нами пожинаютъ класы въ плодоносномъ полѣ Исторіи и Философіи. Городъ болонія, хвалится тѣмъ, что въ немъ двѣ каѳедры, одна Математическая, а другая Реторическая, наполнены женщинами первою славною *Агнези*, а другая госпожею 6... у которой обучаются многіе мущины.

Но чтобъ говорить о предметахъ, которые предъ глазами народа кажутся гораздо болѣе, нежели каковы они

(*) Первое награжденіе за стихотворство отъ Руанской Академіи было получено одною госпожею сего города.

они въ самомъ дѣлѣ, то я скажу, что самыя знатнѣйшія мѣста были наполнены женщинами. Графиня де *Гесбіганда* исправила порученное ей чрезвычайное посольство съ пристойнымъ сему достоинству величествомъ. Самыя важныя дѣла не могутъ превзойти нѣкоторыхъ женщинъ; *Пулхерія*, *Софія*, *Атенаида Амалазонта*, *Ирина*, *Маргарита Валдимаръ*, (*) *Бланша Кастилыкая* (**) и множество другихъ Принцессъ, которыя знали науку правленія въ самой высочайшей степени; и *Катерина де Фуа*, жена Короля Наварскаго, Іоанна д' Алберта сказала своему мужу, низверженному съ трона Фердинандомъ: „Донъ Жанъ! естьлибъ ты „родился Катериной, а я Жаномъ, „мы бы никогда не потеряли На„варры„.

Исторія

(*) Королева Шведская, Дацкая и Норвежская, называемая Сѣверная Семирамида.

(**) Мать святаго Людвика, правила Франціею во время малолѣтства и отсутствія Короля своего сына.

Исторія представляетъ намъ вездѣ примѣры храбрости, которую оказывали во многихъ случаяхъ женщины. Въ Римѣ равно съ Сцеволой прославила себя Клелія, переплывающая вплавь смѣло чрезъ Тибръ, сквозь тучу стрѣлъ. Въ то время какъ все уступало тиранству Тріумвировъ, дочь *Гортенсіусопа*, презирая ихъ свирѣпство, осмѣлилась употребить силу своего краснорѣчія къ защищенію Римскихъ женъ. И въ самомъ свирѣпствѣ изгнанія *Арія* ободряла своего мужа къ смерти, и представляя ему кинжалъ, обагренной своею кровію, *позми* говорила она ему, *ты имъ не здѣлаешъ себѣ зла.*

Нѣкоторыя женщины оказали свое искусство, даже до самой войнской храбрости, хотя сіи кровожаждущія склоности не сотворены для ихъ силъ. Не говоря о славной *Жанѣ д' Аркѣ*, Іюдиѳѣ пятагонадесять вѣка, Французскіе наши писатели посвятили безсмертію *Жанну Гашету*, которая, предводительствуя женами, избавила Бовуа, приведенной къ крайности

сти Герцогомъ Бургонскимъ. (*) Въ тоже время Агличане видѣли Маргариту д' Анжу, супругу Генрика VI. одерживающую побѣду, на которой она сама присудствовала, и избавляющую плѣненнаго Генрика, котораго она по прежнему возвела на тронъ.

Британнія помнитъ еще сію храбрую Графиню *де Монфортъ*, которая въ самомъ жару сраженія, носила изъ шеренги въ шеренгу своего сына, и возбуждала солдатъ къ защищенію государства, которымъ она столь достойно правила, и при владѣніи Людвига XIII. въ самыя роскошныя времяна, Герцогиня де Роганъ защищала цѣлой годъ *Рошеллу* противъ всѣхъ Королевскихъ силъ и искусства его министра; сіе дѣло было бы достойно большихъ похвалъ, естьлибъ только оно было справедливѣе. (**)

(*) Въ память сего приключенія всякой годъ въ Бовуа бываетъ ходъ, гдѣ женщины предшествуютъ мужамъ.

(**) Записки Игумна *Арнода* говорятъ о Графинѣ *С. Бальмонтъ*, которая слѣдовала въ армію за своимъ мужемъ, и

Исторія всѣхъ народовъ представляетъ многіе подобные сему примѣры; всѣ свидѣтельствуютъ, что женщины часто раздѣляли съ нами неустрашимость, которая, кажется, досталась на нашъ жребій, въ коемъ они не имѣютъ участія. *Бодиссея* Королева древнихъ Бретоновъ, по разбитіи Римлянами осьмидесяти тысячь своихъ войскъ, бросилась въ ихъ эскадроны, гдѣ ее убили. Сіи самые Римляне, разбивши Цимбровъ, были принуждены сражаться съ ихъ женами, которыя бросали на непріятелей съ своихъ кибитокъ каменья, но увидя себя взятыхъ, предали себя сами смерти и съ своими дѣтьми, дабы не достаться въ руки непріятелямъ.

Сіи дѣйствіи свирѣпы и нѣсколько подобны варварской добродѣтели Индѣй-

---

билась подлѣ его. Она отослала къ маршалу де *Фюкьеру* многихъ полоненныхъ ею Гишпанцовъ. Но въ семъ наи больше чрезвычайно то, что въ обществѣ она была тихаго нрава, и упражнялась въ чтеніи и духовныхъ дѣлахъ.

Индѣйскихъ женъ, которыя себя сожигаютъ на тѣлахъ своихъ мужей, однако они доказываютъ, что женщины меньше пекутся о жизни, нежели о томъ думаютъ. Многія изъ нихъ отреклись оную сохранить съ лишеніемъ своей славы. *Валеръ Максимій* разсказываетъ о *Гартенгіи*, которая одна осталась отъ царской фамиліи въ Сиракузахъ, и будучи гонима непріятелями ея дому, не могла стерпѣть, чтобъ молодую гражданку, скрытую подъ царскимъ одѣяніемъ, предали вмѣсто ее тиранну. Она сама открылась для ея избавленія, и показала мучителю ево истинную непріятельницу. Во Франціи видѣли *Ренею де Клермонъ д' Абоизу*, которая любила славу болше жизни, и умерла, услыша о взятіи *Камбріа*, коимъ владѣла ея фамилія; третейнадесять вѣкъ представляетъ намъ *Бланшу* жену, *Жана Батаса де ла Портъ*, болѣе достойную удивленія, нежели древняя *Люкреція*. Будучи взята въ маленькомъ городѣ, называемомъ *Пассано*, которай защищала

щищала она, по потеряніи своего супруга, и будучи въ крайней опасности отъ насилія *Акиголинопа*, бросилась въ окно: но когда приведена была предъ сего варвара: то выпросила отъ него позволеніе, отдать послѣдней долгъ своему мужу. Вшедъ въ ево гробницу, всѣми силами старалась опрокинуть на себя камень, которой ее покрылъ, и погреблась такимъ образомъ купно съ драгоцѣнными остатками супруга, коему она вѣрною умирала.

Но оставимъ столь свирѣпыя описаніи: мы должны разсужать о женахъ подъ видомъ гораздо сего пріятнѣйшимъ. Есть безчисленное множество повѣстей, представляющихъ качества сходнѣйшія съ тѣми дѣйствіями, которыя они должны между нами исправлять. И сіи повѣсти дѣлаютъ имъ не меньше чести. Главнѣйшія добродѣтели суть тѣ, кои не зависятъ отъ непостоянства щастія, и которыя могутъ найтить мѣсто во всякое время въ жизни.

Въ тѣ времена, какъ Людовикъ XIV. наполнилъ Европу своимъ имянемъ, гово-

говорили очень мало о *Марїи Терезїи* Австрїйской : однако весьма много стоило сей Принцессѣ , не смотря на свои горести такъ себя вести , что Людовикъ XIV. лишась ее сказалъ : *эта мнѣ въ жизни перпая печаль*.

Славная маркиза *де Ментенонъ*, которой разумъ и кротость были утѣшенїемъ послѣднихъ лѣтъ сего Монарха , имѣла также труды въ разсужденїи степени , коей она достигла. Во всякомъ состоянїи она хранила умѣренность и равнодушїе , которыя весьма чувствителбно изображены въ ее письмахъ , въ которыхъ всякой находитъ женщину, превосходящую само щастїе.

Равное геройство находится и въ простомъ состоянїи. Госпожа *де Вилацерпъ*, приведенная къ смерти погрѣшностью своего лекаря , сама его слѣдующимъ образомъ утѣшала : „ Я „ васъ не почитаю , говорила она ему , „ за человѣка , котораго ошибка отъ- „ емлетъ у меня жизнь , но за благо-

„дѣтеля, предупреждающаго мой „входъ въ щастливую безсмертность; „но какъ свѣтъ о томъ можетъ и- „наче разсудить, то я васъ привожу „въ состояніе чрезъ мою духовную, „прожить кромѣ вашего промысла„. Такое великодушіе не можно получить въ одну минуту, оно есть слѣдствіе долгаго упражненія въ добродѣтеляхъ, естьлибъ жизнь подобной женщины была извѣстна, она бы преподала наставленіи гораздо полезнѣйшія, нежели Исторія о сраженіяхъ и славныхъ кровопролитіяхъ, столь славно описанныхъ многими писателями.

Естьли безпристрастно разсмотрятъ великія дѣла, которыя могутъ здѣлать честь обоимъ поламъ, то сыщутъ съ ихъ стороны столько же оныхъ, сколько и съ нашей. Я присовокуплю одно приключеніе, которое не засвидѣтельствуетъ о чистосердечіи каждой женщины, но всего пола вообще; и я сумнѣваюсь оказали ли бы мужи въ таковыхъ обстоятельствахъ такой опытъ великодушной любви.

Когда

Когда Импер торъ Конрадъ III. осадилъ Генрика Гордаго, Герцога Баварскаго въ *Веинсбергѣ*, и вознамѣрился ужѐ взять его приступомъ, то жены того города просили Императора, чтобъ онъ имъ позволилъ выттити, и вынести съ собою все, что они могутъ. Конрадъ, согласясь на ихъ прошенїе, удивился, увидя ихъ несущихъ на себѣ однихъ своихъ мужей: сїе зрѣлище привело его въ такую жалость что онъ простилъ городу и Герцогу.

Надлежитъ, чтобъ люди, будучи въ состоянїи знать великое множество дѣлъ, гласящихъ въ похвалу женщинъ, пресѣкли свои не праведныя роптанїи. Справедливо ли это, что они супротивополагаютъ безпутства нѣкоторыхъ чудовищъ, находящихся между симъ поломъ, самымъ достохвальнымъ дѣламъ героевъ изъ нашего. Естьли можно привесть въ примѣръ *Брюнеготу*, то и намъ можно попрекать многими *Катилинами*; естьли нашлись столь храбрые люди, что не жалѣли о самыхъ любезныхъ вещахъ, которыми они жертво-

вали

вали нуждѣ, то и жёны оказали равномѣрную крѣпость. Принцесса д' *Ангулема*, бывши правительницею, во время плѣна *Франциска* I. жертвовала любовью къ своей крови пользѣ государства, разсудя лутче отдать въ залогъ своихъ внуковъ, нежели Генераловъ, требованныхъ Карломъ V. Европа видѣла Королеву, сходящую добровольно съ престола, чтобъ прилѣпиться къ наукамъ, которыя она ему предпочла; есть столько же Героинь, какъ и Героевъ, и великаго духа люди столько же обыкновенны въ одномъ полѣ, какъ и въ другомъ.

Впрочемъ, не всегда таковыми жертвами и таковою крѣпостію дѣлаются великими. Можетъ быть не столько трудно, показать себя одинъ разъ въ жизни въ чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ, какъ содержать душу въ непоколебимомъ состояніи, слѣдуя постоянно своему разположенію и своему состоянію. Есть въ простой жизни родъ геройства, котораго бо́льшая часть людей нимало

не примѣчаютъ, и которое иногда больше достойно нашихъ похвалъ, нежели самыя удивительнѣйшія дѣла̀. Его находятъ во многихъ женщинахъ, коихъ смиренная добродѣтель видна только внутри ихъ дома; милость къ домашнимъ, горячность къ ближнимъ, благосклонность ко всѣмъ, всечасныя предупрежденія для мужа, которой иногда частію своихъ успѣховъ одолженъ премудрымъ совѣтамъ жены̀, кою рѣдкія знаютъ. Одинъ изъ нашихъ великихъ полководцовъ, одаренной превосходными качествами, терялъ бы всѣ плоды оныхъ; естьлибъ кроткія увѣщанія нѣжной и разумной супруги не истребили гордости и высокомѣрія, оказываемаго отъ него къ подвластнымъ. Найдется не одинъ великой мужъ, которой такъ, какъ Периклъ, одолженъ частію своего достоинства *Аспазіи*.

Не можно повѣрить, сколько есть въ женскомъ полѣ скрытыхъ добродѣтелей. Говорятъ безпрестанно о вертопраш-

пр͏ашныхъ дѣлахъ; одни только они производятъ великую молву, и объявляютъ о себѣ съ великимъ шумомъ; свѣтъ вмѣняетъ въ ничто тысящи тихихъ добродѣлей, дѣлающихъ утѣшенїе въ отдаленной жизни. Скоряе можно найти въ учрежденныхъ хорошо фамилїяхъ, нежели въ балахъ и многочисленныхъ собранїяхъ женщинъ, кои бы дѣлали безгласное защищенїе своего пола. Надобно ихъ искать въ церквахъ и въ тѣхъ домахъ, гдѣ нищета и нещастїе кажется, убѣгаютъ взоровъ тѣхъ, которые могутъ имъ въ томъ помочь. Тамъ можно увидѣть сїянїе добродѣтели и благодѣтельства женщинъ. Естьли есть изъ нихъ такїя, кои только по одной привычкѣ хотятъ разбить полъ своимъ лбомъ, и только однимъ видомъ почитаютъ добродѣтель; напротивъ того сыщутся и такїя, которыхъ просвѣщенной законъ отводитъ отъ всякаго безпутства и суевѣрїя.

Премудрость и разумъ гораздо чаще бываютъ соединены съ прїятностьми,

 ми,

ми, нежели о томъ думаютъ поносители сего пола. Люди, заразясь красотою, кажется, хотятъ при томъ одномъ ограничить женщинъ, и имъ говорятъ безпрестанно о сей части ихъ достоинства. Прекрасная женщина, естьли вѣрить имъ, есть самое совершенное произведенїе естества; но сїе совершенство есть не со всѣмъ совершенно, естьли не достаетъ чего ни будь къ душѣ. Къ сей сторонѣ должно обратиться славолюбїю женщинъ: когда красота соединена съ истиннымъ достоинствомъ, то можно выговорить, что она приноситъ честь человѣческому роду, добродѣтель дѣлаетъ женщину прекраснѣе, а красота съ своей стороны, придаетъ новое сїянїе добродѣтели, которая нѣкоторымъ образомъ чрезъ то осуществуется, и дѣлается видимою въ лицѣ прїятной и разумной женщины.

ГЛАВА XII.

Заключенїе.

Я увѣренъ, что наши щеголихи и кокѣтки не будутъ читать сего сочиненїя съ такимъ вниманїемъ, какъ *Анголу* (*). Я имъ не могу на сїе ничего сказать. Что жъ касается до разумныхъ женщинъ, отъ которыхъ я желаю быть похваленъ: то тѣхъ прошу мнѣ простить, что открылъ нѣкоторыя пороки, помрачающїя славу ихъ пола. Я не знаю, съ чего думаютъ, что женщинамъ здѣлаешь честь, скрывая отъ нихъ всегда истинну, надъ которой весь свѣтъ имѣетъ право. Кажется, изобрѣли для разговору съ ними особливую рѣчь. Забываютъ, что прекрасная особа быть можетъ весьма разумна; не говорятъ съ нею ничего важнаго; отвѣчаютъ на ея вопросы шутками, и поступаютъ съ нею такъ, какъ съ робенкомъ.

(*) Французской романъ, которой можно почесть за критину нравовъ Парижскихъ.

Я имѣю о семъ полѣ чрезмѣрно великое мнѣнїе, чтобъ могъ обходиться съ нимъ столь презрительно: я никогда не мыслилъ, что онъ думаетъ только объ однихъ забавахъ, но почиталъ всегда, что ему можно говорить самую истинну, которую онъ можетъ болѣе разпространить, нежели самъ я.

Сей ради причины говорилъ я не очень пространно, оставляя остроумїю пола сказать себѣ то, чего я не досказалъ. Я довольно здѣлалъ, естьли могъ доказать нашимъ красавицамъ, что ихъ дѣйство не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобъ показывать изъ себя прекрасную статуйку, и получать за всѣ свои труды глупыя поздравленїи. Когда они одарены такъ, какъ и мы, разумомъ и сердцемъ, то должны стараться просвѣтить первое, и исправить послѣднее.

Разумъ имѣетъ нужду, для своего просвѣщенїя въ прїятномъ и умѣренномъ ученїи, которое можно поло-

жить

жить въ число ихъ увеселенїй. Женщины рождены съ такою способностїю, что ихъ ничѣмъ извинить не можно, естьли они отрекутся присовокупить сїю новую прелесть къ тѣмъ, коими они владѣютъ.

Что касается до сердца, то хотя оно не всегда послѣдуетъ совѣтамъ разума, но часто еще своей власти его подвергаетъ; однако можно почесть за весьма удобной способъ, къ воздержанїю онаго, когда станешь себя питать полезными разсужденїями. Естьли женщина знаетъ къ тому присовокупить какое ни будь ежедневное упражненїе, кое бы препятствовало весьма много простираться ея воображенїю, она бы чрезъ то избавилась волненїя страстей, всегда смущающихъ погруженныхъ въ праздности и роскоши.

Можно получить все хорошее отъ порядочнаго упражненїя, которое придаетъ утѣхамъ болѣе живости и невинности. Увеселенїи представляются

ся великимъ множествомъ людямъ, кои приводятъ себя въ состоянïе, ихъ вкушать; и кои конечно получаютъ ихъ не отъ тщеславïя. Вся сïя роскошь, обожаемая женщинами, есть одна тѣнь щастïя; неимѣющïя здраваго разума, довольствуются однимъ тѣмъ, что показываются щастливыми; но разумныя люди стараются быть дѣйствительно таковыми.

Можно быть скоро щастливымъ безъ всякаго урону, естьли только не станешь подвергать себя безпутствамъ обычаевъ. Разсудительная женщина не ищетъ, чтобъ ея знали, какъ только черезъ то, что достойно быть извѣстно, кромѣ всѣхъ сихъ бездѣлицъ, причиняющихъ слабымъ умамъ радость, или печаль, равно достойныя смѣха, и выключая сихъ премѣнъ, веселости и угрюмости смущающихъ дружество Она соблюдаетъ постоянную и кроткую веселость, возвышающую больше ея прелести, нежели са́мой искусной уборъ.

Правда

Правда, что нѣтъ средства, которое бы могло затворить любви дверь въ сердце. Но есть страсть нѣжная, отдаленная отъ пагубнаго кокѣтства. Порядочная любовь больше исправляетъ, нежели развращаетъ душу. Она есть родъ нѣкоторой привычки, приводящей къ браку. Но какъ отъ него зависитъ судьбина всей жизни: то женщины должны съ неописанною прилѣжностїю разбирать между знаемыми людьми, честнаго человѣка, могущаго здѣлать жену щастливою, съ глупцомъ, которой здѣлаетъ ея на вѣкъ нещастною.

Будучи одинъ разъ подвержена сему прїятному игу, она должна употребить всѣ средства, угодить мужу, которой долженъ въ ней найти любовь столь нѣжную, какова та, которою онъ къ ней пылаетъ. Она купно съ нимъ должна стараться о дѣтяхъ, коихъ воспитанїе представляетъ чувствительныя увеселенїя благородно рожденной душѣ, а почи-

почитается за трудъ отъ однихъ кокѣтокъ и дуръ. Женщина исправляя сїи должности можетъ быть довольна сама собой, любима отъ всѣхъ, и нимало не подверженна заразительнымъ стрѣламъ клеветы. Добрая слава будетъ тѣнь, слѣдующая неразлучно за нею.

Сїи суть степени, приводящїя къ щастїю. Жизнь есть не игра, ниже сплетенїе суетныхъ великолѣпїй. Она должна быть наполнена премѣною упражненїй и забавъ, по мѣрѣ разныхъ лѣтъ человѣческихъ. Однимъ разумнымъ оныхъ употребленїемъ прїобрѣтается благополучное состоянїе душй, называемое щастїемъ, котораго многїя женщины безполезно ищутъ въ блистанїи уборовъ, въ сїянїи драгоцѣнныхъ камней и во всѣхъ сихъ безпокойныхъ, а иногда и беззаконныхъ увеселенїяхъ, кои еще болѣе отъ онаго ихъ удаляютъ. Все сїе не можетъ заменить щастїя. Такъ какъ всѣ хитрости уборовъ, не могутъ наградить недостатка красоты, естьли кого не одарила оною природа.

Есть

Есть прїятная Философїя неимѣющая знаковъ суровостей, которая умѣетъ соединить должности съ забавами: таковая лучше прилична женскому полу, нежели пышное педанство нашихъ ученыхъ. Будучи ею наставляемы, желаютъ, чтобъ все было таково, каково оно есть въ самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ наша легкомысленность намъ ево воображаетъ. Стараются отдалить сїи тайныя роптанїя, нечувствительно поражающїя чувства, и бывающїя тѣмъ опаснѣе для женщинъ, чѣмъ ихъ чувства бываютъ нѣжняе. Сїе воздержанїе сердца весьма тѣсно соединено съ истиннымъ щастїемъ, и есть корень премудрости. Призывать къ тому женщинъ, есть средство, привлечь къ оному и мужей; ибо между обѣими полами находится такое согласїе, что естьли одинъ изъ нихъ прилѣпится къ разуму, или безумїю: то другой въ скоромъ времени въ тотъ же путь устремится. Сколь бы славно было прекрасному полу, естьлибъ онъ всегда возбуждалъ и украшалъ наше общество,

ство, и могъ бы еще получить честь, оное исправить. Его къ тому сильно принуждаютъ. Мы бы не причли себѣ въ уничиженіе, естьлибъ были ему обязаны возвращеніемъ нашего разума.

КОНЕЦЪ.

60993-52

Из сих книг
Дмитрея Кочурина
дано 42
в москве

20892

100

3450/8

Магазин 45
100 р.

№ 292

167

